S 75/179

S 74/15
S 75/179

СКАЗАНІЕ О ЛОВАХЪ

ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ КІЕВСКИХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Члена-Сотрудника ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго и Члена-Корреспондента ИМПЕРАТОРСКАГО С. Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Обществъ

НИКОЛАЯ СЕМЕНТОВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи И. Фишона.
1857.

№ 956.

2007231764

75
179
S 74
15

СКАЗАНІЕ О ЛОВАХЪ
ВЕЛИКИХЪ КНЯЗЕЙ
КІЕВСКИХЪ.

ПУБЛ. БИБЛ. ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА С.С.С.Р.
Ф.33-57

СОЧИНЕНІЕ

Члена-Сотрудника ИМПЕРАТОРСКАГО Русскаго Географическаго и Члена-Корреспондента ИМПЕРАТОРСКАГО С. Петербургскаго Археологическо-Нумизматическаго Обществъ

НИКОЛАЯ СЕМЕНТОВСКАГО.

ПРЕДИСЛОВІЕ СОЧИНИТЕЛЯ.

Ловы великихъ князей Кіевскихъ, та же *охота*. Я не измѣнилъ лѣтописнаго, или, лучше сказать, древняго народнаго названія, потому что въ спискахъ Несторовой лѣтописи и во всѣхъ древнихъ актахъ слово *ловы* не замѣнено словомъ охота, которое вошло въ употребленіе въ позднѣйшее время.

Предметъ сочиненія, представляемаго мною благосклонному вниманію образованныхъ читателей, еще не разобранъ. По сему, да судитъ читатель о затрудненіяхъ, какія встрѣчалъ я при написаніи этого сочиненія, и будетъ снисходителенъ къ его недостаткамъ и ошибкамъ, во вниманіи къ тому, что я искалъ сокровища въ тѣсномъ и темномъ лабиринтѣ.

Справедливое замѣчаніе, относящееся къ настоящему предмету, и каждое свѣдѣніе, которымъ удостоятъ меня ученые и образованные люди, я прійму съ живѣйшею благодарностію.

I.

Благословите, братцы, старину сказать,
Какъ бы старину стародавнюю,
Какъ бывало въ стары годы, прежніе,
Во тѣ времена первоначальныя.

Русск. Стихотв.

Первыя строки Исторіи Великаго Княженія Кіевскаго, и вмѣстъ съ симъ первыя же строки бытописанія отечества нашего, начинаются лѣтописнымъ сказаніемъ *о Ловахъ* Княжескихъ:.... «и быша три братья, единому имя Кій, а другому Щекъ, а третьему Хорівъ, и сестра ихъ Лыбедь; и сѣдяше Кій на горѣ, гдѣ нынѣ Зборичевъ, а Щекъ сѣдяше на горѣ, и дѣже нынѣ Щековица, а Хорівъ на третіей горѣ, отъ него же прозвася Хоревица, и сотвориша городокъ во имя брата ихъ старшаго, и нарекоша Кіевъ, *и бяше около града лѣсъ и боръ великъ, и бяху ловяще звѣрь; бяху бо мудріи и смышлены.*» [1])

Это краткое извѣстіе показываетъ, что ловы для трехъ братьевъ, Князей Полянскихъ, составляли необходимую потребность ихъ жизни; и эта потребность заставила Князей обратить вниманіе на приднѣпровскую возвышенную мѣстность: *гдѣ бяше лѣсъ и боръ великъ*. Князья нашли ту мѣстность удобнѣйшею для ловитвъ, основали градокъ во имя старшаго брата Кія — *Кіевъ*. И такъ,

Рис. 1-й.

Ловы Княжескіе начинаются въ Кіевѣ первыми Кіевскими Князьями, ловы же Полянскихъ Князей послужили къ основанію *Кіева*.

Лѣтописецъ, скудный на подробности въ описаніи различныхъ происшествій, не передалъ намъ болѣе подробнаго сказанія о ловахъ трехъ братьевъ, первыхъ Князей Кіевскихъ, вовсе умалчиваетъ о ловахъ двухъ витязей Варяжскихъ, Аскольда и Дира, умалчиваетъ и о ловахъ Олеговыхъ и Игоревыхъ, хотя ловы по-

слѣдняго много знаменительны для отечества нашего, скажу яснѣе: Провидѣнію угодно было обратить *ловы* Игоревы въ спасительное средство, для просвѣщенія Кіевской Руси христіанствомъ. Вотъ какъ это было: Игорь Рюриковичъ, жившій въ Кіевѣ, при опекунѣ своемъ, язычникѣ Олегѣ, постоянно занимался ловами, пристрастился къ нимъ. Ловища Кіевскія были для него недостаточны, и онъ отправился *дѣлать ловы* во Псковѣ и окрестностяхъ его. Въ одинъ день Игорь, сопровождаемый своею ловчею дружиною, ѣхалъ на конѣ на ловы къ селу Выбутскому. Подъѣзжая къ первымъ жильямъ Выбутскаго, князь встрѣтилъ прекраснѣйшую дѣвицу, приблизился къ ней, остановилъ коня и завелъ съ дѣвицею разговоръ. На предложенные княземъ вопросы, Выбутская селянка отвѣчала скромно и умно. Князь плѣнился ею и избралъ своею супругою. Такъ ловы послужили Игорю къ избранію достойной жены, принявшей имя свое, какъ пишетъ нашъ исторіографъ [2]), кажется отъ имени Олега, въ знакъ дружбы его къ сей достойной княгинѣ, или въ знакъ Игоревой къ нему любви. Извѣстно, что Ольга первая изъ Русскихъ Княгинь приняла христіанство. По выраженію лѣтописца, она была *денница и луна спасенія*, служила убѣдительнымъ примѣромъ для Владиміра, и предуготовила торжество истинной вѣры въ нашемъ отечествѣ.

Живя съ Ольгою въ Кіевѣ, Игорь по прежнему занимался ловами, занималъ ими малолѣтнаго сына своего Святослава, котораго на ловахъ пріучалъ къ перенесенію тяжкихъ трудовъ и опасностей будущей боевой жизни. Для отца ловы были любимѣйшею забавою, для малолѣтнаго сына его пріятнѣйшею наукою. Военныя способности Святослава быстро развивались среди ловитвъ, и онъ, будучи еще младенцемъ, искусно уже пускалъ стрѣлу на мчавшагося противъ него звѣря.

Такъ проходили тѣ дни и годы; настали иные годы и съ ними пришли новыя событія: Игорь былъ убитъ Древлянами. Ольга пламенѣетъ желаніемъ отмстить смерть мужа: собираетъ свое войско, беретъ съ собою семилѣтняго сына своего Святослава и идетъ въ землю враговъ. Противъ войскъ Кіевской Княгини Древляне выставили свои рати.... и вотъ сошлись войска обѣихъ сторонъ. Войсками Ольги управляетъ малолѣтный Святославъ. Онъ ѣдетъ впереди русскаго войска, приближается къ Древлянину, также ѣхавшему впереди ратей, и пускаетъ въ него свое копье. Пролетѣвъ между ушей лошади врага, копье вонзилось въ его ногу. «Князь уже почалъ, потянемъ, дружино, по князи» воскликнулъ воевода Ольги Свѣнельдъ, и примѣръ геройской отваги, поданный малолѣтнымъ княземъ, воодушевилъ его войско и увѣнчалъ оружіе Ольгино побѣдою.

Побѣдивъ Древлянъ, Ольга, по свидѣтельству Нестора, съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ землѣ, установляя *Уставы и Уроки;* на *Становища* ея *и ловища*, т. е. на мѣста, гдѣ она останавливалась и производила ловы, тѣ мѣста указывали еще и во времена лѣтописца. [3])

Можетъ быть кому покажется невѣроятнымъ, чтобы княгиня Ольга производила ловы. Какъ, скажутъ нѣкоторые, женщинѣ заниматься ловами. На это отвѣчу: если Ольга ходила съ войскомъ противъ Древлянъ, если употребила особое средство — воробьевъ и голубей, чтобы овладѣть ихъ городомъ, то что мудренаго, если она присутствовала при ловахъ, производимыхъ въ завоеванныхъ ею мѣстахъ, сыномъ ея Святославомъ и его ловчею дружиною? Притомъ, будемъ помнить еще и то, что ловы для Ольги не были забавою — а чрезвычайно важнымъ дѣломъ и прибыльною статьею для нея и всего ея княженія.

Ходя такъ легко какъ пардусъ, по выраженію лѣтописца, Святославъ, мужая, болѣе и болѣе занимался ловами, среди коихъ быстро развивался его воинственный характеръ. Слѣдуя примѣру отца, Святославъ привыкъ на ловахъ вести жизнь истаго витязя, пріучалъ къ тому же и своихъ сыновей и свою воинскую дружину. Выходя противъ враговъ, князь не бралъ съ собою ни обоза, ни котла, и не варилъ мяса; но изрѣзавъ тонко конину, или *звѣрину* (дичину) [4]) или говядину, пекъ на угольяхъ и употреблялъ въ пищу. Примѣру князя слѣдовало и все его войско, которое, часто видя отважные подвиги его на ловахъ, любило его всею душею. Не уваживъ совѣта своего военачальника Свѣнельда, Святославъ поплатился жизнію: онъ былъ разбитъ Печенѣгами на берегу Днѣпра, въ Бѣлобережьи. Предводитель Печенѣговъ, князь Куря, отрубилъ ему голову и изъ ея черепа сдѣлалъ чашу для питья. Немногіе изъ доблестныхъ воиновъ дружины Святославовой спаслись вмѣстѣ съ Свѣнельдомъ и достигли Кіева (972 г.).

Послѣ такого происшествія, лѣтописецъ представляетъ намъ еще знаменательное событіе, поводомъ котораго также были ловы. Чрезъ два года по возвращеніи Свѣнельда въ Кіевъ, сынъ его Лютъ, бывшій въ ловчей дружинѣ Святославовой не послѣднимъ ловцомъ, любилъ дѣлать ловы. Живя въ Кіевѣ и будучи *дружникомъ* ловчей дружины Великаго Князя Ярополка, Лютъ однажды выѣхалъ на ловы; увлеченный бѣжавшимъ звѣремъ на далекое пространство отъ своего ловища, Лютъ заѣхалъ въ предѣлы Древлянской земли, въ которой княжилъ сынъ Святослава Олегъ. И въ то же самое время Олегъ также дѣлалъ ловы. Замѣтивъ, что кто-то сторонній погнался за звѣремъ въ принадлежавшемъ ему ловищѣ, князь спросилъ: *Кто есть?* Ловцы князя отвѣчали ему: Лютъ, сынъ Свѣнельдичъ, помчался въ догонку за звѣремъ. Князь Олегъ, разсвирѣпѣвъ, *и запѣхавъ, уби и* [5]).

Скоро о смерти Люта узналъ дряхлый Свѣнельдичъ, для котораго потеря единственнаго сына была безпримѣрнымъ несчастіемъ. Свѣнельдъ рѣшился отмстить Олегу, и будучи приближеннымъ къ Кіевскому князю Ярополку, убѣдилъ его своими совѣтами отнять владѣніе у брата Олега; долго Ярополкъ отклонялъ такое предложеніе, но изъ дѣтства привыкши слушать совѣты стараго Свѣнельда, ополчился, выступилъ въ походъ и достигъ земли Древлянской. Олегъ встрѣтилъ брата съ войскомъ, далъ сраженіе, потерялъ его, и разбитый бѣжалъ съ жалкими остатками своихъ ратей къ воротамъ Г. Вручая (Овручь, Волынской Губерніи). Передъ городомъ, остатки войска Олегова и самъ князь такъ столпились на греблѣ, т. е. плотинѣ, что князь, тѣснимый своими же воинами, былъ столкнутъ въ болото, вмѣстѣ съ другими всадниками, подъ коими и погибъ въ тинѣ. Когда отыскали тѣло Олега, Ярополкъ призвалъ Свѣнельда и указывая на трупъ князя сказалъ: «смотри, исполнилось твое желаніе.»

Смерть Олегова повела къ Ярополку смерть. Этотъ князь Кіевскій былъ измѣннически пронзенъ двумя мечами подъ пазухи, подкупленными Варягами, въ то время когда Ярополкъ, идя къ брату своему Владиміру, желая примириться съ нимъ, вошелъ въ сѣни отчаго терема, въ коемъ въ то время жилъ Владиміръ. [6])

Послѣдствіемъ смерти Олега и Ярополка было восшествіе на

Кіевскій престолъ Владиміра Святославича, просвѣтившаго Россію христіанскою вѣрою.

Владиміръ, пребывая въ язычествѣ, любилъ подобно отцу своему и братьямъ дѣять ловы. И донынѣ существующія народныя преданія вполнѣ это подтверждаютъ. Ловы считались столь важнымъ дѣломъ, что подвиги ловцевъ воспѣвались въ пѣсняхъ или оставались въ памяти людей, наравнѣ съ важными событіями [7]). Преданіе передаетъ намъ, что *ловчая дружина* Великаго Князя Владиміра была такъ многолюдна, какъ двѣ рати на боевомъ полѣ; что всѣ ловчіе, всѣ бояре и князья и гридни и отроки были одѣты въ золото и серебро; что когда дружина выѣзжала торжественно изъ Кіева на ловы, то каждому казалось, что то ѣдутъ князья собравшіеся со всего свѣта на пиръ къ Великому Князю Владиміру. На ловахъ Великій Князь не тратилъ напрасно стрѣлы, не металъ на вѣтеръ копья. Въ ловчей дружинѣ Великаго Князя находились *чудо-богатыри:* одинъ изъ нихъ останавливалъ разъяреннаго тура, схвативъ его за рога, когда раненный туръ въ бѣшенствѣ бѣжалъ на князя, или витязя; другой, чудо-богатырь, хваталъ медвѣдя за шею одною рукою, а другою отсѣкалъ мечемъ голову, или вонзалъ копье въ сердце. Третій богатырь, догнавши лютаго звѣря, раздиралъ ему пасть; иной чудо-богатырь побѣждалъ безъ всякаго оружія всякаго звѣря и чудовища-змія многоглаваго.... Былины, пѣсни и сказки передаютъ намъ и нынѣ подобные подвиги чудо-богатырей Великаго Князя Владиміра. О дядѣ его *Добрынѣ* существуютъ также особыя былины и сказки:

Въ стольномъ въ городѣ во Кіевѣ,
У славнаго, Осударь, князя у Владиміра,
Три года Добрынюшка стольничалъ,
А три года Никитичъ приворотничалъ,
Онъ стольничалъ, чашничалъ девять лѣтъ,
На десятой годъ погулять захотѣлъ
По стольному городу по Кіеву;
Взявши Добрынюшка тугой лукъ,
А и колчанъ себѣ каленыхъ стрѣлъ,
Идетъ онъ по широкимъ по улицамъ,
По частымъ мелкимъ переулочкамъ,
По горницамъ стрѣляетъ воробушковъ,
По повалушамъ [8]) стрѣляетъ онъ сизыхъ голубей....
Тутъ Добрынѣ за бѣду стало,
Будто надъ нимъ насмѣхаются;
Стрѣляетъ въ сизыхъ голубей;
А спѣла, вѣдь, тетивка у туга лука,
Звыла, да пошла калена стрѣла.
По грѣхамъ надъ Добрынею учинилося,
Лѣвая его нога поскользнула,
Правая рука удрогнула:
Не попалъ онъ въ сизыхъ голубей,
Что попалъ въ окошечко косящатое....
А вта поры Маринѣ (молодой) безвременье было. ..
Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты дѣтина, зашельщина!
Вчерась ты, Добрыня, на дворъ заходилъ,
Проломилъ мою окошницу стекольчатую....»
А и самъ тутъ змѣй (горынчичъ) почалъ бранити его....
Ему тутотко Добрынѣ за бѣду стало,
И за великую досаду показалося.
Вынималъ саблю острую,
Воздымалъ выше буйны головы своей:
«А и хочешь ли тебя, змѣя, изрублю я
Въ мелкія части пирожныя,
Разбросаю далече по чистому полю?»
А и тутъ змѣй Горыничь хвостъ поджавъ,
Да и вонъ побѣжалъ....
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по поясъ въ окно,
Въ одной рубашкѣ безъ пояса;
А сама она змѣя уговариваетъ:
Воротись, милъ надежа, воротись другъ!
Хошь, я Добрыню оберну клячею водовозною?
Станетъ-де Добрыня на меня и на тебя воду возить;
А еще хошь я Добрыню оберну *гнѣдымъ туромъ?*»
Обернула его, Добрыню, гнѣдымъ туромъ,
Пустила его далече во чисто поле,
А гдѣ-то ходятъ *девять туровъ*,
А девять туровъ, девять братаниковъ,
Что Добрыня имъ будетъ десятой туръ,
Всѣмъ атаманъ — золотые рога....

А и не было Добрыни шесть мѣсяцовъ....

У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы,
И сидѣла тутъ Добрынина матушка....

Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилася съ дитятами княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится:
«Гой есы вы, княгини, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣя мудрѣя:
А и я-де обернула девять молодцовъ
Сильныхъ могучихъ богатырей гнѣдыми турами;
А и нынѣ я-де отпустила десятаго молодца
Добрыню Никитича,
Онъ всѣмъ атаманъ — золотые рога!!..

А и женское дѣло прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое;
Обернулась Маринка *Косатичкой*,
Полетѣла далече во чисто поле,
А гдѣ то ходятъ девять туровъ,
Девять братаниковъ,
Добрыня-то ходитъ десятой туръ;
А сѣла она па Добрыню, на правый рогъ,
Сама она Добрыню уговариваетъ:
«Нагулялся ты, Добрыня, въ чистомъ полѣ,
Тебѣ чистое поле наскучило,
И зыбучія болота напрокучили.
А и хошь, Добрыня, женится?
Возьмешь ли, Никитичь, меня за себя?
«А право возьму, ей Богу возьму!
А и дамъ-те Марина, поученьеце,
Какъ мужья женъ своихъ учатъ.»

Тому она, Марина, повѣрила,
Обернула его добрымъ молодцомъ,
По старому, по прежнему,
Какъ бы сильнымъ могучимъ богатыремъ;
Сама она обернулася дѣвицею,
Они въ чистомъ полѣ женилися
Кругъ рубинова куста вѣнчалися. [7])

Не одинъ Добрыня Никитичъ охотился: охотился и другой богатырь, Илья Муромецъ:

Въ тѣ поры Ильи Муромца до́ма не случилося;
Полевалъ онъ далеко въ чистомъ полѣ,
Звѣря лютово на копье ловилъ
Саблей *куницъ* на копье низалъ. [9])

Рис. 2-й.

Въ былинахъ любопытно читать изображеніе *Гридницы* Великаго Князя Владиміра.

Среди двора *Гридня* стоитъ,
Покрышка *сѣдыхъ бобровъ*
Потолокъ *черныхъ соболей*....

Въ гридницахъ *ласкова Осударя Князя Владиміра* происходили еженедѣльно почетные пиры — пированья. На тѣхъ пирахъ Великій Князь угощалъ своихъ чудо-богатырей различными яствами, въ числѣ ихъ и дичиною [10]), и пили медъ и зелено вино изъ *турьевыхъ роговъ:*

Рис. 4-й.

Втапоры Владиміръ Князь
Приказалъ наливать чару зелена вина въ полтора вѣдра,
И турій рогъ меду сладкаго, *въ полтретья вѣдра.*
Подавали Добрынѣ Никитичу,
Принималъ онъ, Добрыня, единой рукой,
Выпиваетъ молодецъ единымъ духомъ
И турій рогъ меду сладкаго. [11])

Приведенные мною отрывки изъ былинъ о чудо-богатыряхъ Великаго Князя Владиміра, даютъ понятіе о ловахъ, производившихся въ тотъ вѣкъ, хотя истина того вѣка и помрачена поэтическими вымыслами народа; но таковъ удѣлъ всѣхъ древнихъ вѣковъ.

II.

Наступили дни княженія Великаго Князя Ярослава. Лѣтописецъ нѣсколько подробнѣе дѣлаетъ свои замѣтки о дѣяніяхъ сего князя; однако же, по обычаю своему, умалчиваетъ о ловахъ, производившихся при Ярославѣ. И нѣтъ нужды намъ въ его сказаніяхъ: мы знаемъ, что дѣти великихъ князей, первые уроки боевой жизни получали на ловахъ; знаемъ и то, что ловы, служа малолѣтнимъ князьямъ въ началѣ наукою, по возрастѣ ихъ переходили въ любимѣйшее и полезнѣйшее занятіе, и Ярославъ, съ малолѣтства пріученный къ ловамъ, занимался ими во дни княженія своего въ Кіевѣ.

Великій Князь Ярославъ находилъ въ ловахъ не легкое занятіе для своей утѣхи, нѣтъ, ловы онъ цѣнилъ высоко, видѣлъ въ нихъ вѣрное средство къ образованію дѣтей княжескихъ бранному искусству, къ укрѣпленію ихъ тѣла и къ развитію военныхъ способностей. Это доказывается тѣмъ, что онъ приказалъ въ созданномъ имъ храмѣ Премудрости — Св. Софіи — изобразить на стѣнахъ лѣстницъ, ведущихъ изъ нижняго яруса въ верхній, картины лововъ, и принадлежащія къ нимъ увеселенія. Эти изображенія, частію только уцѣлѣли, сохранены и оживлены при общемъ возстановленіи фресковъ Софійскаго Собора (1853 г.). Кромѣ того, Великій Князь Ярославъ первый установилъ письменные законы, касающіеся лововъ и ловищъ. Законы Великаго Князя означены въ *Русской Правдѣ*, подъ заглавіемъ: *О перевѣсѣхъ и о птицахъ* [12]). Они даютъ намъ понятіе о птицахъ, водившихся въ древнѣйшіе вѣка въ великомъ княженіи Кіевскомъ, показываютъ также свѣдѣніе о цѣнѣ на птицъ и за украденнаго *бобра*. «За бобра украденнаго *изъ норы* (по древнему гнѣздо *бобра* называлось *заремя*) 12 гривень пени.» Историографъ полагаетъ, что въ Правдѣ упоминается о бобрахъ *племянныхъ*, съ коими хозяинъ лишался всего приплода. «Если въ чьемъ владѣніи будетъ изрыта земля, найдутся сѣти, или другіе признаки воровской ловли, *то вервь* (окружные жители) должны сыскать виновнаго, или заплатить пеню. Если кто срубитъ шестъ, или порветъ веревку (въ ловчей снасти), то платитъ 3 гривны въ казну, а господину, т. е. владѣльцу, гривну кунъ. Если кто украдетъ въ чіемъ перевѣсѣ *песъ (ловчую собаку) или ястреба, или сокола*, то 3 гривны въ казну, а владѣльцу гривну, за куря — куропатку — голубя, по 9 кунъ. За утку, гуся, лебедя и журавля, за каждаго по 30 кунъ.» При этомъ я считаю нужнымъ присовокупить свѣдѣніе о цѣнности монеты, показанной въ пеняхъ. *Въ гривнѣ* было 20 ногатъ или *рѣзаней*, а двѣ рѣзани составляли одну *куну*. Тогдашняя гривна равнялась почти десяти серебрянымъ нынѣшнимъ рублямъ.

Рис. 3-й.

Карамзинъ говоритъ, что чрезмѣрною пенею Ярославъ желалъ обезпечить тогдашнихъ многочисленныхъ птицелововъ въ ихъ промыслѣ. [13])

Приводя узаконенія, помѣщенныя въ Русской Правдѣ о перевѣсахъ и птицахъ, историографъ упустилъ плату *за пса*. Это произошло отъ двоякой причины: въ нѣкоторыхъ спискахъ Правды, слово песъ пропущено [14]); второе, Карамзинъ не допускалъ мысли, чтобы во дни Ярослава при ловахъ употреблялись псы или собаки, потому, что въ древности предки наши считали собакъ животными нечистыми и гнушались ими. Начало псовой охоты онъ относитъ

къ княженію Великаго Князя Василія. Въ этомъ Карамзинъ ошибся: если бы при немъ были открыты фрески Кіево-Софійскаго Собора, представляющіе ловы звѣриные, то онъ измѣнилъ бы такое мнѣніе.

Разсматривая приведенныя узаконенія Великаго Князя Ярослава, мы видимъ, что онъ постановилъ особую пеню за бобра. Это ведетъ насъ къ мысли, что въ древности звѣремъ симъ чрезвычайно дорожили, хотя онъ и въ изобиліи водился въ окрестностяхъ Кіева, и во всемъ великомъ княженіи, какъ мы это увидимъ ниже.

О соколахъ и ястребахъ впервые упоминается въ Правдѣ. Лѣтописецъ же и единымъ словомъ не намекаетъ *о соколиныхъ ловахъ*, хотя ловы съ соколами и ястребами были также чрезвычайно уважаемы великими князьями.

Соколиная ловля началась въ великомъ княженіи Кіевскомъ, въ княженіе Олега. Надобно думать, что онъ первый и привезъ съ сѣвера въ Кіевъ выученныхъ соколовъ и кречетовъ. Увидимъ, что птицы эти, пріученные къ охотѣ, обыкновенно привозились съ сѣвера Россіи и не только для Кіева, довольно южнаго города, но и собственно для сѣверныхъ городовъ Россіи: Новгорода и Пскова, въ коихъ, казалось бы, могли свободно водиться эти птицы, съ потребнымъ достоинствомъ для лововъ [15]). Былины говорятъ *о сокольникахъ и кречетникахъ* Великаго Князя Владиміра:

А Владиміръ князь стольной Кіевской,
Пьетъ онъ, ѣстъ, прохлаждается,
Ихъ челобитья не слушаетъ.
А и тѣ толпы со двора не сошли,
Двѣ толпы вдругъ пришли:
Первая толпа — *молодцы сокольники*,
Другіе *молодцы кречетники*,
И всѣ они избиты, изранены,
Булавами буйны головы пробиваны,
Кушаками головы завязаны;
Бьютъ челомъ, жалобу творятъ:
«Свѣтъ, Осударь, ты великій князь,
Ѣздили мы по полю чистому,
Сверхъ тоя череги,
По твоему Осударевомъ займищу,
На тѣхъ на потѣненыхъ островахъ;
На твои щастки княжецкія;
Ничего не поймывали, не видали,
Сокола и кречета перелетнаго,
Только наѣхали мы молодцовъ
За тысячу человѣкъ;
Всѣхъ они *ясныхъ соколовъ* повыхватали,
И бѣлыхъ кречетовъ повыловили. [16])

Чудо-богатыри Владиміра въ былинахъ уподобляются яснымъ соколамъ, бѣлымъ кречетамъ:

А и ѣздилъ въ полѣ старъ матеръ человѣкъ,
Старой казакъ Илья Муромецъ.
А и конь ли подъ нимъ кабы *лютый звѣрь*,
Онъ самъ на конѣ, какъ ясенъ соколъ. [17])

Читая былины, которыя сохранили послѣдніе слѣды давно минувшихъ событій, отчасти представляютъ жизнь древнихъ предковъ нашихъ, съ ихъ нравами и обычаями, мы встрѣчаемъ много указаній особой чтимости предками нашими звѣрей и звѣриныхъ шкуръ, и кажется, что во дни великаго княженія Кіевскаго, шкуры чернаго *соболя*, горностаевыя, лисичьи, бѣличьи и куньи, были въ большой цѣнности и составляли драгоцѣнныя украшенія и наряды знатныхъ лицъ, и даже болѣе значили, чѣмъ нынѣ значатъ у насъ украшенія брилліантовыя, алмазныя и изъ другихъ драгоцѣннѣйшихъ камней. Вотъ, для примѣра, изображеніе корабля *Соловья Будимировича:*

Тридцать кораблей — единъ корабль
Славнаго гостя, богатаго,
Молода Соловья, сына Будіміровича.
Хорошо корабли изукрашены:
Одинъ корабль получше всѣхъ;
У того было сокола у корабля
Вмѣсто очей было вставлено
По дорогу *камню по яхонту;*
Вмѣсто бровей было прибивано
По черному соболю Якутскому;
Вмѣсто уса было воткнуто
Два ножика булатные;
Вмѣсто ушей было воткнуто
Два остра копья мурзамецкія
И два горностая повѣшены,
И два горностая, два зимніе;
У того было сокола у корабля
Вмѣсто гривы прибивано
Двѣ лисицы бурнастыя;
Вмѣсто хвоста повѣшено,
На томъ было соколѣ кораблѣ
Два медвѣдя бѣлые, заморскіе;
Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по звѣриному.
Бѣгутъ ко городу Кіеву. [18])

Въ дары великимъ князьямъ приносились единственно звѣриныя шкуры, какъ самая высшая драгоцѣнность.

И подноситъ князю (Владиміру Соловей-Будіміровичь)
свои дороги подарочки:
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ бурнастыхъ лисицъ....
Князю дары полюбилися. [19])

Да и дары великихъ князей Кіевскихъ императорамъ греческимъ состояли изъ *Скоръ* (звѣриныхъ шкуръ [20]). Къ наименованію нѣкоторыхъ звѣрей прибавлялись въ древности разныя прилагательныя: такъ лисица именовалась *бурнастою печерскою*.

Со всѣхъ кораблей, со всего живота
Бралъ Соловей (Будіміровичъ) свою золоту казну;
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,
Вторые сорокъ *бурнастыхъ лисицъ*. [21])

или:

Они соболи, куницы повыловили,
И печерскія лисицы повыгнали,... [22])

Къ слову звѣрь нерѣдко прибавлялось прилагательное: *прискучій*, къ слову птица — *перелетная:*

На твоемъ Осударевомъ *займищѣ* (т. е. ловищѣ)
Ничего мы въ полѣ не наѣзживали,
Не наѣзживали звѣря *прискучаго*,
Не видали птицы *перелетныя*.... [23])

«Не нравится мнѣ пребываніе въ Кіевѣ, хочу жить при Дунаѣ въ Переяславцѣ, средоточіи земли моей, куда свозится всякое добро.... изъ Россіи *Скóра*,» сказалъ Святославъ Игоревичъ матери своей Ольгѣ и боярамъ. И изъ сихъ словъ великаго князя мы видимъ какъ въ тѣ древнія времена высоко цѣнились звѣриныя шкуры. Кромѣ этого, извѣстно, что предки наши цѣнили вещи не только монетами, но и шкурами звѣрей: куницъ, вѣкшъ, т. е. бѣлокъ и проч. Слово куны означало деньги. Это были древнія ассигнаціи, или кредитные билеты; сперва употреблялись въ мѣнѣ цѣлыя шкуры, а потомъ, для удобства, шкура разрѣзывалась на части, и каждая часть имѣла свое особое названіе и свою цѣнность, такъ: куски, вырѣзанные изъ головы животнаго, именовались *мордки*, изъ ногъ *ногаты*, изъ другихъ частей *рѣзани*, изъ бѣлки *вѣкоши*. Такія деньги ходили въ Кіевскомъ княженіи, въ Полыпѣ и Литвѣ до исхода XIII вѣка. [24])

Замѣчательно, что въ узаконеніяхъ: *о Перевѣсѣ и о Птицахъ*, не упоминается о звѣряхъ поименно, кромѣ бобра; но извѣстно, что и звѣриные ловы, во дни первыхъ великихъ князей Кіевскихъ были въ большомъ употребленіи, и часто великіе князья *глумились*, т. е. тѣшились ими. Волки, или *лютый звѣрь*, медвѣди, лисицы, куницы, бѣлки, горностаи, зайцы, лоси, дикія козы, дикія лошади, туры и другіе звѣри ловились для денегъ, для употребленія въ пищу и для мѣховъ. О первомъ мы выше сказали. О томъ, что звѣри употреблялись въ пищу, отчасти мы также упомянули уже; о третьемъ употребленіи замѣтимъ слѣдующее:

«Скоро-де *Запала* наряжается,
Надѣвала шубу соболиную... »

или:

Не сѣдлай ты меня, Иванъ (гостиный сынъ), добра копя,
Только берись за шелковъ поводокъ,
Поведешь по двору княженецкому (ко двору В. К. Владиміра);
Вдѣнь на себя шубу соболиную,
Да котора шуба въ три тысячи,
Пуговки въ пять тысячей.... [25])

или:

«Полечу, рече, зегзицею по Дунаеви; омочю бебрянъ
Рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ.» [26])

Наименованіе звѣря *зубръ* не встрѣчается въ нашихъ древнихъ письменныхъ памятникахъ; постоянно же въ лѣтописяхъ, былинахъ, сказкахъ, древнихъ пѣсняхъ и Словѣ о полку Игоря, а также во всѣхъ древнихъ актахъ, упоминается названіе *туръ*. Древніе иностранные писатели вовсе не сообщаютъ намъ свѣдѣній о ловахъ великихъ князей Кіевскихъ. Любопытна однако же замѣтка одного писателя о звѣряхъ, водившихся въ XII столѣтіи въ Литвѣ и въ смежности, начинающейся отъ г. Черкасъ на Днѣпрѣ и далѣе до границъ Ливонскихъ: «Изъ звѣрей въ Литвѣ водятся *зубры*, *туры*, онагры, дикія лошади. Зубрами Литовцы называютъ *бизоновъ*. Нѣмцы неправильно называютъ ихъ Aurox или Urox; ибо это названіе принадлежитъ *туру*, имѣющему совершенно форму быка, тогда какъ у бизоновъ совершенно другая форма. У бизоновъ есть грива и длинная шерсть на шеѣ и груди, также борода; волосъ пахнетъ мускусомъ, голова короткая, глаза большіе, свирѣпые, пламенные, лобъ широкій; рога такъ широко разведены, что между ими могутъ усѣсться три довольно тучные человѣка; на спинѣ горбъ; передняя и задняя часть отвисли. Кто хочетъ охотиться за бизономъ, долженъ обладать большою силою, легкостію и ловкостью. Для этого выбирается обыкновенно мѣсто, на которомъ находятся деревья въ равномѣрномъ другъ отъ друга разстояніи; деревья эти не должны быть очень толсты, чтобы легко можно было около нихъ вертѣться, и не очень малы, чтобы могли защитить человѣка. Подъ этими деревьями располагаются охотники; поднятый собаками зубръ бросается на перваго встрѣчнаго: тотъ, заслоняясь деревомъ, бьетъ животное venabulo куда попало; зубръ не скоро падаетъ подъ ударами, но все болѣе и болѣе разъяряется и дѣйствуетъ не только рогами, но даже языкомъ, который у него такъ шероховатъ и толстъ, что онъ можетъ имъ ухватить за платье человѣка и притянуть къ себѣ, послѣ чего ужъ не выпуститъ живымъ. Если охотникъ, утомившись борьбою и бѣганіемъ вокругъ дерева, захочетъ немного вздохнуть, то бросаетъ зубру красный плащъ, на который тотъ изливаетъ всю свою ярость, рветъ рогами, топчетъ. Если другой охотникъ захочетъ принять участіе въ борьбѣ, то ему легко обратить звѣря на себя: стоитъ только разъ произнести звукъ люлюлю. *Туры* только водятся въ Мазовіи, сосѣдней съ Литвою (можетъ быть такъ было въ началѣ XVI вѣка, но въ вѣкъ В. К. Владиміра, и позднѣе, туры водились въ нынѣшней Кіевской и Черниговской губерніяхъ). Это не иначе что, какъ дикіе быки, отличающіеся отъ домашнихъ только тѣмъ, что всегда бываютъ черные, только на спинѣ имѣютъ бѣловатую полосу. Туры не многочислены; есть извѣстные округи, которымъ вмѣнено въ обязанность заботиться о турахъ, которые содержатся въ нѣкотораго рода звѣринцахъ. Телята, которые родятся отъ тура и простой коровы, не живущи. Въ народѣ есть повѣрье, что поясъ, сдѣланный изъ турьей кожи, способствуетъ скорѣйшему разрѣшенію отъ бремени. Звѣрь, называемый Литовцами *Лось*, у Нѣмцевъ слыветъ подъ именемъ Elend; нѣкоторые по-латыни называютъ его Alces; Поляки называютъ онагромъ, то есть дикимъ осломъ, но неправильно. У лося копыта раздвосны, и хотя попадаются съ цѣльными копытами, но очень рѣдко. Лось на бѣгу быстрѣе оленя, имѣетъ выдавшіяся уши и ноздри; рога нѣсколько отличны отъ оленьихъ; цвѣтъ болѣе бѣловатый. Лосье копыто считается предохранительнымъ отъ падучей болѣзни: его носятъ въ видѣ амулета» [27]).

О ловлѣ зайцевъ и горностаевъ мы имѣемъ указанія, о первыхъ въ лѣтописи, а объ обоихъ въ былинахъ:

Въ тотъ день выпадала пороха снѣгу бѣлаго,
И нашли они (князья) свѣжій слѣдъ,
Сами они дивуются:
Либо зайка скакалъ, либо бѣлъ горностай [28]).

III.

Чтобы точнѣе повѣрить сказанія лѣтописи и разсказы былинъ, которыя, по основному повѣрію Русскаго народа: *Сказка складка а пѣсня быль*, обратимся къ богатому источнику для настоящаго предмета, къ остатку единственному по древности и драгоцѣнному по представляемымъ изображеніямъ, обратимся къ фрескамъ Кіево-Софійскаго Собора, начертаннымъ во дни В. К. Ярослава, навѣрное за восемь сотъ лѣтъ отъ настоящаго времени, и разсмотримъ фрески, представляющіе звѣриные ловы, конечно вѣка Ярославова, если не отца его Владиміра I.

Рис. 5-й.

Фресковыя изображенія находятся, какъ я уже сказалъ, на стѣнахъ и сводахъ лѣстницъ, ведущихъ изъ нижняго этажа Собора въ верхній. Къ крайнему сожалѣнію, уцѣлѣло и сохранилось весьма не много этихъ драгоцѣннѣйшихъ для насъ картинъ. Во всей цѣлости сохранилось не мно го изображеній; за то и малѣйшіе остатки древнихъ изображеній лововъ сохранены и возстановлены; напримѣръ: бѣгущая лисица въ нишѣ и на сводѣ; три головы княжескихъ ловчихъ; словомъ все, что слѣдовало и что можно было сохранить и возстановить, все сбережено; но и при всемъ томъ остались огромные пробѣлы въ этой дивной поэмѣ ловли во дни Великихъ Князей, въ коей, легко можетъ быть, изображены подвиги чудо-богатырей Великаго Князя Владиміра и его сыновей и его ловчей дружины, которой Великій Князь давалъ роскошные пиры въ своихъ гридницахъ. Нынѣ же, при недостаткѣ можно сказать большей половины изображеній, прямое значеніе уцѣлѣвшихъ фресковъ для насъ почти неразгадано, и намъ остаются на долго, кромѣ наружнаго ихъ представленія, одни догадки о внутреннѣй и прямой цѣли ихъ изображеній.

Нельзя однако же сказать утвердительно, чтобы всѣ сохранившіеся фрески прямо относились къ ловамъ; многія изображенія представляютъ неразгаданныя, аллегорическія значенія, не спорю, быть можетъ и имѣвшіе какое либо довольно близкое отношеніе къ изображеніямъ, ясно представляющимъ ловы; но такого отношенія нынѣ не видно, по причинѣ потери значительнаго числа этихъ фресковъ.

Вотъ нѣкоторыя аллегорическія изображенія: аллегорическое животное четвероногое, крылатое, и змѣй съ необыкновенною го-

Рис. 6-й.

ловою. Рис. 1. Чудовище, имѣющее человѣческое туловище, а голову птичью, пронзаетъ копьемъ воина, который замахнулся на чудовище топорцемъ [29]); держитъ въ лѣвой рукѣ щитъ. Рис. 2.

Изображенія на сводахъ грифовъ и какихъ-то другихъ фантастическихъ животныхъ, едва ли не составляютъ дополненія къ изображеніямъ лововъ, возбужденныхъ восточнымъ воображеніемъ художниковъ, расписывавшихъ храмъ Ярослава; тѣмъ болѣе можно останавливаться на этой мысли, что подобныя изображенія отчасти принадлежатъ Греческой миѳологіи.

Изображенія, относящіяся къ ловамъ, начинаются при всходѣ на лѣстницы. На переходахъ лѣстницы, устроенной по лѣвую сторону отъ большаго алтаря, на правой стѣнѣ, идущей полукругомъ вверхъ, представляется первое изображеніе лова на бѣлку, и въ слѣдъ за этимъ на *лютаго звѣря*, т. е. волка — фрескъ этотъ сохраненъ. Бѣлка сидитъ на вѣтви фантастическаго дерева и смотритъ на собаку, находящуюся у корня дерева и жаждущую схватить звѣрка. Одинъ ловецъ приноровляется пронзить бѣлку копьемъ съ одной стороны, съ другой же ловецъ направилъ

лукъ и приготовился пустить стрѣлу въ бѣлку. За другимъ деревомъ, которое такой же формы какъ и первое, лютый звѣрь устремляется на всадника, пронзающаго звѣря копьемъ въ грудь; въ другой рукѣ всадникъ держитъ щитъ. Рис. 3. Противъ этого фреска на лѣвой стѣнѣ представленъ ловецъ, поражающій копьемъ разъяреннаго *вепря*. Лѣвая рука ловца поднята къ верху; за заднюю правую ногу вепря хватаетъ собака. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этой рукѣ онъ держитъ щитъ, изображеніе котораго уничтожено временемъ, какъ уничтожена значительная часть этого фреска, что видно по пространству, ни чѣмъ не занятому и покрытому голубою краскою. Рис. 4.

Выше этого фреска представлено сраженіе тигра, барса, леопарда, имѣющее аллегорическое значеніе.

Рис. 7-й.

Рис. 8-й.

Далѣе слѣдуютъ фрески, малою частію уцѣлѣвшіе. По остаткамъ надобно предполагать, что они изображали возвращеніе княжеской ловчей дружины изъ лововъ дикихъ коней. Остатокъ представляетъ четырехъ ловцовъ вершниковъ; каждый вершникъ ведетъ, кромѣ своего, трехъ коней. — Впереди всадниковъ изображена ограда; древній ея рисунокъ потерянъ новѣйшимъ поновленіемъ. Р. 5. Не въ далекѣ отъ этого фреска, находится также остатокъ изображающій пляшущихъ музыкантовъ. Музыканты играютъ въ дудки, вѣрнѣе въ сопѣли или сурны [30]), на гусляхъ, русаліяхъ [31]) и бьютъ въ литавры. Позади музыкантовъ какой-то кудесникъ взлѣзаетъ на шестъ.

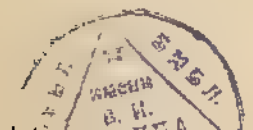
Нѣтъ сомнѣнія, что въ великокняжеской ловчей дружинѣ находились музыканты. Они даже и необходимы были для поданія различныхъ сигналовъ, во время лововъ; послѣ же лововъ, вѣроятно тѣшили Великихъ Князей, торжествовавшихъ на ловахъ удачу. Если бы это было не такъ, то къ чему и изображать музыкантовъ и плясуновъ, подлѣ всадниковъ, ведущихъ съ лововъ дикихъ коней. Кажется, что музыканты и плясуны именно изображены здѣсь какъ торжествующіе, послѣ удачнаго лова дикихъ коней. На сводахъ, въ кругахъ, нарисованы соколы и кречеты. Рис. 6, 7 и 8. Самое верхнее изображеніе представляетъ сокола, падающаго на зайца Рис. 9. На лѣстницѣ, идущей съ правой стороны отъ алтаря, сохранилось мало изображеній. Изъ болѣе уцѣлѣвшихъ представляютъ: ловецъ на бѣломъ конѣ, поражаетъ копьемъ медвѣдя, устремившагося на всадника; лѣвою рукою всадникъ беретъ медвѣдя за нижнюю челюсть. Всадникъ имѣетъ на головѣ шлемъ и кажется покрытъ доспѣхами. Рис. 10. Ловецъ несетъ на лѣвомъ плечѣ, придерживая лѣвою же рукою, отрубленную голову вепря, а въ правой рукѣ *полть* того же звѣря [32]).

Рис. 9-й.

Рис. 11. Нѣсколько выше этого прекрасно сохранившагося фреска и мало поновленнаго, находится фрескъ, изображающій собаку, догоняющую оленя. Рис. 12. Здѣсь же изображеніе дикаго осла съ отрубленною правою заднею ногою. Фрескъ этотъ немного поновленъ, и копыта изображены почти нераздвоенныя, чего вѣроятно не было на первоначальномъ фрескѣ. Рис. 13. На этой же лѣстницѣ находится единственное изображеніе музыканта, играющаго на семиструнномъ инструментѣ, въ родѣ скрипки, смычкомъ. Это изображеніе такъ любопытно, что я счелъ необходимымъ представить его моимъ читателямъ. Рис. 14. Музыкантъ изображенъ сидящимъ на какомъ-то возвышеніи, коричневаго цвѣта, какъ бы на камнѣ.

Значительное, по занимаемому пространству, многоличное изображеніе, совершенно утеряно; остался только ничтожный отрывокъ, представляющій трехъ ловцовъ вершниковъ, догоняющихъ дикую лошадь. Ловцы безъ оружія.

Если бы сохранилась вполнѣ всѣ фресковыя изображенія ло-



вовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что мы видѣли бы картины лововъ тѣхъ звѣрей и птицъ, коихъ нынѣ не находится на стѣнахъ Собора, ловы дикихъ козъ, туровъ, гоны бобровые и прочіе.

Жаль, очень жаль, что время, рука варварства и невѣжество вырвали листы и цѣлыя главы изъ этого драгоцѣннаго живописнаго слова о ловахъ во дни Великихъ Князей Кіевскихъ. Но и сохранившіеся отрывки этихъ изображеній составляютъ драгоцѣнный памятникъ временъ Великаго Князя Ярослава.

Разсмотримъ внимательнѣе и уцѣлѣвшіе остатки фресковыхъ изображеній древнихъ лововъ.

Прежде всего другаго останавливаетъ вниманіе наше изображеніе ловчихъ *псовъ*. Собака жаждетъ схватить бѣлку, собака схватываетъ за ногу вепря, собака догоняетъ лося. Изображенія эти вполнѣ доказываютъ намъ, что собаки употреблялись для лововъ въ вѣкъ Великаго Князя Ярослава, и даже ранѣе. Судя по рисункамъ, собаки кажется принадлежатъ къ породѣ гончихъ. Явственнѣе всего это можно замѣтить на фрескѣ, изображающемъ собаку, догоняющую лося.

Соколы, кречеты и ястребы преимущественно употреблялись на зайцевъ, лисицъ, лебедей, гусей и утокъ дикихъ.

Ловцы дикихъ звѣрей изображены по большей части со щитами и вполнѣ вооруженными.

Не рѣдко случалось, что ловы княжескіе обращались въ битвы; въ такомъ разѣ ловы были только одна военная хитрость — обманъ врага. Такъ Вышегородскій Князь Давидъ Ростиславичъ (въ 1180 г.) ѣздилъ на лодкахъ по Днѣпру *ловы дѣля;* вѣроятно стрѣлялъ изъ лука лебедей, дикихъ гусей, журавлей, утокъ, во множествѣ водившихся по Днѣпру и его заливамъ, находящимся противъ Кіева и Вышегорода. Въ то же время, Святославъ Всеволодовичъ, узнавъ, что Великій Князь Всеволодъ плѣнилъ сына его Глѣба, въ Коломнѣ, рѣшился отмстить за сіе нападеніемъ на ближайшій удѣлъ враждебныхъ ему Князей Ростиславичей. Жребій палъ на удѣлъ Давида. Святославъ собралъ свою дружину, выѣхалъ съ нею, то же какъ бы *дѣлать ловы*, на Черниговскій берегъ Днѣпра, и сперва дѣйствительно началъ дѣлать ловы. Мало по малу Давидъ приблизился на лодкахъ къ Кіеву и вышелъ изъ лодокъ, отправился въ боръ, бывшій въ тѣ дни на Скавицѣ (Щековицѣ, удѣлѣ Кія) [23]). Въ то же самое время Святославъ быстро переѣхалъ съ войскомъ своимъ Днѣпръ, мечтая плѣнить Давида и прогнать Рюрика, но не засталъ Вышегородскаго Князя въ его дворцѣ; захватилъ все его имущество и расположился ночевать въ Вышегородѣ, ожидая, не приведутъ ли посланные имъ ловцы Давида; но къ разсвѣту ловцы возвратились безъ успѣха. Узнавши это, Святополкъ въ отчаяніи сказалъ своей дружинѣ: «Уже я обличился предъ Ростиславичами: не могу жить болѣе въ Кіевѣ.» И тогда же уѣхалъ въ Черниговъ [34]).

Оружіе у ловцевъ, изображенныхъ на фрескахъ, то самое, которое упоминается и въ лѣтописи, пѣсняхъ, сказкахъ и былинахъ: копья, щиты, шлемы. На плеча нѣкоторыхъ ловцевъ накинуты *корзны* или *мятли*, т. е. епанчи; нижнее платье обыкновенное; у нѣкоторыхъ ловчихъ замѣчается обувь. Всадники сидятъ въ сѣдлахъ. Пѣшіе ловчіе имѣютъ на головахъ повязки — *платье* или *клобуки* [35]). Объ оружіи мы имѣемъ много письменныхъ указаній, напримѣръ:

«Съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ *стрѣлы каленыя;*
«Гримлютъ сабли о шеломы, трещатъ *копья харалужныя* »
«Поскепаны *саблями каленными* шеломы Оварьскія
Отъ тебе яръ туре Всеволоде.»
«Уже у сокола крыльца припѣшали поганыхъ саблями.»
«Не ваю ли храбрая дружина рыкаютъ, аки туры ранены саблями каленными» [36]).

IV.

Дѣйствительно ли Князья Кіевскіе дѣяли ловы на столь свирѣпыхъ звѣрей какъ туры, вепри, медвѣди и на другихъ звѣрей? Отвѣтъ находимъ въ духовномъ завѣщаніи Владиміра Мономаха:

«Иже со отцемъ ловилъ есмь *всякъ звѣрь:* а се въ Черниговѣ дѣлалъ есмь. *Конь дикихъ* своими руками звязалъ есмь въ пущахъ Ї и Й, живи конь, а кромѣ того иже по Рови (рѣка Подольской губерніи, Винницкаго Уѣзда) ѣздя ималъ есмь своими руками *тѣ же кони дикіе: тура* мя Ѳ метала [37]) на розѣхъ и съ конемъ. Олень мя одинъ болъ а Ѣ *лоси*, одинъ ногами топталъ, а другой рогами болъ. *Вепрь ли* на бедрѣ мечь оттялъ. *Медвѣдь* ми у колѣна подклада укусилъ. *Лютый* звѣрь (волкъ) ко мнѣ соскочилъ на бедры и конь со мною поверже, и Богъ невредима ми соблюде [38]).

Какъ извѣстно, въ Великой Россіи заячьго мяса не употребляли въ пищу, въ Великомъ же Княженіи Кіевскомъ мясо зайца было одно изъ лакомыхъ и ловы на зайцевъ были часты и любимы князьями. Ловы производились съ соколами и ястребами; ловили зайцевъ и тенетами.

Великій Князь Всеволодъ ловилъ, въ полдень 21 Мая 1091 г., за Вышегородомъ тенетами зайцевъ. Первая *Кнея* (обойденное ловчими пространство) была кончена, поймали нѣсколько зайцевъ, и только что раскинули сѣти во второй кнеи и *кликнули кличане*, какъ затмилось солнце, произошло еще какое-то воздушное явленіе и послышался подземный ударъ: «Всеволоду, заметавши тенета на заяцы и кличаномъ кликнувшимъ, спаде змій превеликъ отъ Небесе и ужасошась людіе и земля стукну» [39]). Надобно же было всему этому произойти въ одно время, чтобы поразить князя, и безъ того опечаленнаго и смущеннаго духомъ многими несчастіями, постигшими Русь въ тѣ годы сего княженія. Лѣтописецъ же, не астрономъ, весьма обыкновенное въ мірѣ явленіе представилъ чудеснымъ и неправдоподобнымъ, руководствуясь вѣроятно сказаніемъ, первоначально составленнымъ испуганными ловцами Княжескими.

Изъ такого извѣстія мы усматриваемъ, что на зайцевъ дѣяли ловы тенетами, то есть сѣтьми, что зайцевъ въ сѣти загоняли *кличане*, т. е. люди собранные для лововъ, которые крикомъ и стукомъ пугали звѣря, заставляя его подыматься изъ логовищъ и бѣжать въ разставленныя сѣти. Способъ и нынѣ употребляемый.

Я сказалъ, что Великіе Князья не рѣдко выѣзжали на ловы съ значительнымъ числомъ войска, но само собою разумѣется, что не всѣ же воины и витязи княжескіе составляли собственную ловчую дружину княжескую. Ловчую дружину составляли Бояре, дѣтски или отроки, гридни, мечники, ловчіе, сокольники и кречетники, конюшіе, кличане и другіе.

Бояре и Тіуны имѣли свою поземельную собственность, владѣли отдѣльными лѣсами, въ коихъ находились собственныя ихъ ло-

вища, перевѣсища и бобровые гоны. Бояре и нѣкоторые Тіуны содержали собственныя ловчія дружины. Въ Боярской ловчей дружинѣ первыя мѣста занимали отроки, гридни... точно такъ какъ Бояре занимали первыя мѣста въ Великокняжескихъ ловчихъ дружинахъ.

Дѣтски и *Отроки* и *Пасенки* занимали въ Великокняжеской дружинѣ вторыя и третіи мѣста; каждый изъ нихъ имѣлъ свой особый *нарядъ*, состоя подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ старшаго Боярина, завѣдывавшаго всею Великокняжескою ловчею дружиною. Но не такъ было въ княженіе Владиміра Мономаха: «Я самъ дѣлалъ все, что могъ бы велѣть отроку: на ловахъ и войнѣ, днемъ и ночью, въ зной лѣтній и холодъ зимній не зналъ покоя... весь *нарядъ* и въ дому своемъ то я творилъ есмь, и *въ ловчихъ ловчій нарядъ* самъ есмь держалъ, и въ конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ» [40]).

Владиміръ Мономахъ, предлагая въ духовной поученіе своимъ сыновьямъ, пишетъ: «Идите рано въ Церковь воздать Богу хвалу утреннюю; такъ дѣлалъ отецъ мой.... *Потомъ* садились думать *съ дружиною*, или судить народъ, или *ѣздили на ловы*, а въ полдень мы спали: ибо не только человѣку, но и звѣрямъ и птицамъ Богъ присудилъ отдыхать въ часъ полуденный.» Древнее вѣрованіе, безъ сомнѣнія извлеченное изъ повседневнаго опыта.

Дѣйствительно, утренняя пора предпочиталась Великими Князьями для лововъ прочему времени дня. Мы уже видѣли В. К. Всеволода, отца Мономахова, дѣющаго ловы на заяцы, въ часъ утренній. Примѣру отца слѣдовалъ и доблестный сынъ Владиміръ Мономахъ. Такому обычаю слѣдовали другіе Князья.

V.

Соколъ, кречетъ и ястребъ играли важную роль и въ ловахъ Княжескихъ и въ общественной жизни древнихъ предковъ нашихъ. Изображенія этихъ птицъ встрѣчаемъ не только на фрескахъ Софійскаго Собора, но и на старинныхъ вещахъ и древнихъ памятникахъ, какъ то: гробницахъ *), серьгахъ, браслетахъ, запястьяхъ, чарахъ и многихъ другихъ украшеніяхъ и вещахъ, принадлежавшихъ къ домашней утвари. Не доказывается ли и этимъ, что въ вѣка Святослава, Владиміра, Ярослава, Всеволода, Владиміра Мономаха и другихъ Кіевскихъ Князей, соколиные и ястребиные ловы, были самые любимѣйшіе князьями. Боевые подвиги витязя и чудо-богатырей непремѣнно сравнивались съ соколомъ.

Неизвѣстный пѣвецъ слова о полку Игоря воспѣваетъ событіе 1184 года и слѣдующаго времени. Увлеченный поэтическимъ восторгомъ, онъ обращается къ давно минувшимъ временамъ, и древняго пѣвца Бояна, замышлявшаго воспѣть кого либо, уподобляетъ то соловью, то волку, то орлу, и за симъ представляетъ поэтическое сравненіе Бояновыхъ пѣсень съ пѣснью стаи лебединой, на которую налетаютъ десять соколовъ. Въ этомъ поэтическомъ сказаніи сколько прекрасныхъ мыслей, столько же и занимательныхъ извѣстій о звѣряхъ и птицахъ, коими извѣстіями мы не можемъ не дорожить; вотъ напримѣръ:

«Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеся мыслею по древу, сѣрымъ вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облаки. Помняшетъ бо речь пѣрвыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашетъ 1 соколовъ на стадо лебедей, который дотечаше, та преди пѣсь пояше, старому Ярославу, храброму Мстиславу, иже зарѣза Редедю предъ пълки Касожьскыми, красному Романови Святославичю. Боянъ же, братіе, не 1 соколовъ на стадо лебедей пущаше, нъ своя вѣщіа пръсты на живая струны въскладаше; они же сами Княземъ славу рокотаху» [41]).

Оставляя въ сторонѣ поэтическіе восторги неизвѣстнаго пѣвца, мы обратимся къ своему предмету и изъ предложеннаго отрывка извлечемъ то, что относится къ древнимъ соколиньимъ ловамъ.

«Помняшетъ бо речь пѣрвыхъ временъ усобіцѣ; тогда пущашетъ 1 соколовъ на стадо лебедей.»

Въ вѣки Великокняжескіе, а въ особенности въ вѣкъ Владиміра, Ярослава и Владиміра Мономаха, лебеди водились стадами въ окрестностяхъ Кіева и прочихъ мѣстахъ Великаго Княженія Кіевскаго, а въ особенности по Днѣпру и его заливамъ. Въ тѣ времена ловы на лебедей производились соколами и кречетами. Къ осени лебеди собирались стадами, и тогда-то, можетъ быть, на стаю лебедей пускали и 10 соколовъ. Лебеди же въ вѣкъ Владиміра I составляли любимое кушанье.

«И опять втапоры повары были догадливы,
Носятъ яства сахарныя,
И принесли *лебедушку* бѣлую,
И ту рушала Княжня лебедь бѣлую.....
Обрѣзала рученьку лѣвую,
Завернула рукавцомъ, подъ столъ опустила;
Говорила таково слово:
Гой вы еси, Княжни, боярыни!
Либо мнѣ рѣзать лебедь бѣлую,
Либо смотрѣть на милъ животъ,
На молода Тугарина Змѣевича.»
Онъ взявши, Тугаринъ, лебедь бѣлую,
Всю вдругъ проглотилъ..... [42])

Внимательнѣе разбирая предложенный отрывокъ, видимъ, что неизвѣстный пѣвецъ слова о полку Игоря упоминаетъ о сѣромъ волкѣ, о сизомъ орлѣ, о пѣсни лебединой, и обращаясь къ Бояну, восклицаетъ: «о Бояне, соловію стараго времени!» Изъ этого слѣдуетъ заключить, что сказаніе о пѣсни лебединой получило начало свое съ древнѣйшихъ временъ; любили слушать наши праотцы и пѣснь соловья и дорого цѣнили соловьевъ. Видно также и то, что безъизвѣстный пѣвецъ слова о полку Игоря былъ *отличный ловецъ*; иначе онъ не написалъ бы пѣсни, въ коей всѣ сравненія и подобія заимствованы имъ изъ жизни птицъ и звѣрей, натуру коихъ онъ постигъ отлично хорошо и изобразилъ до изумленія вѣрно; напримѣръ: сокола, кречета, волка, тура, орла, галокъ, вранов и проч. Какъ, напримѣръ, естественно изобразилъ онъ звѣрей и птицъ, предвѣщающихъ кровавую битву:

«Игорь къ Дону вои ведетъ: уже бо бѣды его пасетъ птиць; подобію вълци грозу въ срожатъ, по яругамъ; орли клектомъ на кости звѣри зовутъ, лисицы брешутъ на чръленыя щиты. О руская земле! уже за Шеломянемъ еси. Дълго. Ночь мркнетъ, заря свѣтъ запала, мъгла поля покрыла, щекотъ славій успе, говоръ галичь убуди. Русичи великая поля чрьлеными щиты прегородиша, ищучи себѣ чти, а Князю славы.»

*) На гробницѣ Ярославовой также изображены птицы, сидящія на вершинѣ деревъ. Какія это птицы, трудно опредѣлить; можетъ быть голуби, а можетъ быть и соколы. Маленькія птички едва ли не соловьи.

Любопытно сравненіе Всеволода съ туромъ:

«И рече ему (Игорю) Буй туръ Всеволодъ.»

Мы уже знаемъ, что туръ былъ чрезвычайно уважаемъ въ древности; и побѣдитель тура на ловахъ имѣлъ неизъемлемое право получить его рога, изъ коихъ дѣлали сосуды для питья *меду сладкаго и зелена вина*, украшая сосуды золотомъ и серебромъ [43]).

Упоминаетъ пѣвецъ слова о полку Игоря и о кречетахъ: «Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо далече залетѣло; небылонъ обидѣ порождено, ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чрѣный воронъ, поганый Половчине.»

Убѣждаясь во мнѣніи, что пѣвецъ слова о Полку Игоря былъ отличный ловецъ, для вящшаго убѣжденія читателей, приведу еще нѣсколько примѣровъ. Какъ вѣрно онъ изображаетъ натуру сокола:

«О! далече зайде соколъ, птиць бія ко морю.»

или:

«А чи диво ся, братіе, стару помолодити? Коли соколъ въ мытехъ бываетъ, высоко птицъ възбиваетъ, не дастъ гнѣзда своего въ обиду.»

Воспѣвая дѣла Князя Романа, пѣвецъ говоритъ:

«Высоко плаваеши на дѣло въ буести, яко соколъ на вѣтрехъ ширяяся, хотя птицю въ буйствѣ одолѣти.»

Какъ прекрасно изобразилъ безъизвѣстный пѣвецъ бѣгство Князя Игоря изъ плѣна Половецкаго. И опять повторю, будь онъ не старымъ и опытнымъ ловцомъ, не написать бы ему такого изображенія:

«Князю Игорю не быть: кликну стукну земля; въ шумѣ трава.

Рис. 10-й.

«Вежи ся Половецкіи подвизашася; а Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію, и бѣлымъ гоголемъ на воду; въвръжеся на бръзъ комонь, и скочи съ него босымъ влъкомъ, и потече къ лугу Донца, и полетѣ соколомъ подъ мьглами избивая гуси и лебеди, завтроку, и обѣду и ужинѣ. Коли Игорь соколомъ полетѣ, тогда Влуръ влъкомъ потече, труся собою студеную росу; претрогоста бо своя бръзая комоня. Донецъ рече: Княже Игорю! не мало ти величія, а Кончаку нелюбія, а Руской земли веселіа. Игорь рече, о Донче! не мало ти величія, лелеявшу Князя на влънахъ, стлавшу ему зелѣну траву на своихъ сребреныхъ брезѣхъ, одѣвавшу его теплыми мъглами подъ сѣнію зелену древу; стрежаше е гоголемъ на водѣ, чайцами на струяхъ, Чрьнядьми на вѣтрѣхъ. Не тако ли, рече, рѣка Стугна худу струю имѣя, пожрѣши чужи ручьи, и стругы ростре на кусту? Уношу Князю Ростиславу затвори Днѣпрь темнѣ березѣ. Плачется мати Ростиславя по уноши Князи Ростиславѣ. Уныша цвѣты жалобою, и древо стугою къ земли прѣклонило. А не сорокы втроскоташа. На слѣду Игоревѣ ѣздитъ Гзакъ съ Кончакомъ. Тогда врани не граахуть, галици помлъкоша, сорокы не троскоташа, полозію ползоша только, дятлове тектомъ путь къ рѣцѣ кажутъ, соловіи веселыми пѣсьми свѣтъ повѣдаютъ. Млъвитъ Гзакъ Кончакови: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, соколича рострѣляевѣ своими злачеными стрѣлами. Рече Кончакъ ко Гзѣ: аже соколъ къ гнѣзду летитъ, а вѣ соколца опутаевѣ красною дѣвицею. И рече Гзакъ къ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни нама будетъ сокольца, ни нама красны дѣвицѣ, то почнутъ наю птици бити въ полѣ Половецкомъ.»

Иностранные писатели, современные Великимъ Князьямъ Кіев-

скимъ, не представляютъ намъ свѣдѣній о соколиныхъ ловахъ. Однако же, любопытенъ разсказъ одного путешественника, въ началѣ XVI столѣтія сообщающаго намъ нѣкоторыя свѣдѣнія о соколахъ

Рис. 11-й.

и кречетахъ: «Въ страну Югрей и Вагуличей лежитъ путь чрезъ высокія горы; на ихъ вершинахъ ловятъ превосходныхъ соколовъ изъ которыхъ одни бываютъ бѣлые, другіе пурпуровые, огромные, и называются *кречетами;* съ ними охотятся за лебедями (правда, это мы знаемъ изъ Слова о полку Игоря), журавлями и другими подобными птицами. Кречетъ самая отважная птица. Извѣстно, что если кто охотится съ ястребомъ, или кончикомъ, или другаго рода соколомъ, и прилетитъ кречетъ, то всякая другая изъ означенныхъ птицъ покидаетъ свою добычу. Когда везутъ кречетовъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ они водятся, то иногда сажаютъ ихъ въ одну клѣтку по четыре, пяти и шести штукъ, и когда даютъ имъ ѣсть, то они берутъ пищу по порядку старшинства. Какъ свирѣпы они противъ другихъ птицъ, такъ смирны другъ съ другомъ: никогда не кусаются между собою; моются они не въ водѣ, а въ пескѣ; такъ *любятъ холодъ*, что обыкновенно стоятъ или на льду или на камнѣ.»

VI.

Обратимъ вниманіе наше и на слова: *Ловища, Становища, Перевѣсища* или *Перевѣси.* «И бяше три брата.... и сотвориша градокъ во имя брата ихъ старѣйшаго и нарѣкоша Кіевъ и бяше около града лѣсъ и боръ великъ и бяху ловяще звѣрь, быху бо мудріи и смышлены:»

Градокъ Кія находился на приднѣпровской возвышенности. Отъ Днѣпра, или вѣрнѣе отъ истока Почайны, къ градку извивалась по горѣ дорога, именовавшаяся во времена лѣтописныя *Зборичева звоза* [45]). Удѣлъ Щека находился на отдѣльномъ возвышеніи, на сѣверозападъ отъ удѣла Кія. Удѣлъ Хорева былъ также на отда-

Рис. 12-й.

ленномъ возвышеніи, вверхъ по Днѣпру, въ 17 верстахъ отъ удѣла Щека. Возвышенности и удолья, лежащія внизъ по Днѣпру, принадлежали также къ удѣлу Кія и къ удѣлу сестры его Лыбеди. Удѣлы трехъ братьевъ и сестры ихъ состояли изъ трехъ главныхъ возвышенностей и множества меньшихъ холмовъ и безчисленнаго множества враговъ и удолій. Нынѣ даже подъ населеніемъ Кіева

(занимающемъ впрочемъ 12,131 десят. 307 саж.) находится болѣе восьми сотъ холмовъ и враговъ, то ниже, то выше возстающихъ надъ поверхностію Днѣпра, то ближе, то далѣе удаленныхъ отъ его водъ. Въ древности, всѣ эти возвышенности и овраги по большей части были покрыты дремучимъ лѣсомъ и непроходимымъ боромъ, въ полномъ значеніи слова, и *бяше лѣсъ и боръ великъ*. У подошвы возвышенностей, среди удолій, во дни Великокняжескіе протекали рѣчки, впадавшія въ Днѣпръ. Изъ тѣхъ рѣчекъ памятны: Приспоутая Почайна, Кіянка, Глубочица, Сырецъ, Желань, Лыбедь, Любка и многія другія, по большей части нынѣ не существующія. Съ вершинъ возвышенностей стремилось множество быстрыхъ ручьевъ, образовавшихъ въ лощинахъ, между горъ, значительные по величинѣ и глубинѣ озера, окаймленныя, какъ и всѣ рѣчки древнія, густымъ камышемъ и различною зарослею. Само собою разумѣется, что такое мѣстоположеніе было рѣдкимъ притономъ для звѣрей и птицъ разнаго рода.

Лѣса, въ древности покрывавшіе возвышенности Кіевскія и именно принадлежавшія къ удѣлу Кія, были по преимуществу берестовые и липовые. Сосновыя же деревья на тѣхъ возвышенностяхъ изрѣдка встрѣчались. Отъ рода деревьевъ получили наименованія двѣ мѣстности, принадлежавшія къ удѣлу Кія: древнее село *Берестовое* и гдѣ нынѣ часть города (нынѣшняя Дворцовая) именующаяся *Липки*. Остатки древняго лѣса на сихъ мѣстахъ и понынѣ еще существуютъ: сады и рощи Лаврскія, Выдубецкаго Монастыря и пустынь Китаевской и Голосіевской, состоятъ по преимуществу изъ берестъ и липъ. Садъ Городской, находящійся въ Липкахъ, также изобилуетъ липовыми деревьями. Скажутъ, что Дворцовый или Городской Садъ позднѣйшаго насажденія — согласенъ; но еще и до образованія его, послѣдовавшаго въ 1753 году, на томъ же мѣстѣ, равно какъ и по всему нынѣшнему пространству Дворцовой Площади и собственно гдѣ нынѣ зданія, принадлежащія къ Дворцовой части и далѣе до *Клова* — то есть до *нижняго Клова* — гдѣ нынѣ зданіе Первой Гимназіи, произрастали бересты и липы [46]), боръ же начинался на сѣверозападъ, за удѣломъ Кія. Отлогости удѣла Щека были покрыты боромъ. Кругомъ, вся мѣстность Щекавицы также была покрыта сосновыми деревьями, кои начинаясь отсюда, тянулись непрерывно къ Вышегороду (то есть удѣлу Хорева), за нимъ къ Лютежу, Дымеру и далѣе. Остатки бора въ удѣлѣ Щека и доселѣ находятся: небольшія сосновыя рощи зеленѣютъ по ребрамъ Щековицкихъ возвышенностей, обращеннымъ къ Днѣпру.

И такъ, сказаніе лѣтописца чрезвычайно вѣрно.

Въ такихъ-то мѣстахъ были первыя ловища первыхъ же Кіевскихъ Князей. Въ сихъ же первыхъ ловищахъ *глумились* [47]) ловами три брата, основатели г. Кіева, потомъ вѣщій Олегъ, Игорь, а въ вѣкъ Великой Княгини Ольги, почти чрезъ сто лѣтъ (въ 945 г.) послѣ основанія г. Кіева (855), внѣ града Кіева было ея *перевѣсище:* «Градъ же бѣ Кіевъ, идѣже есть нынѣ дворъ Гордятинъ и Никифоровъ и дворъ Княжь бяше въ городѣ, идѣже есть нынѣ дворъ Воротиславль и Гюдинъ, и *Перевѣсище бѣ внѣ Града* [48]).

Перевѣсище и не могло находиться среди града; иначе оно и не было бы перевѣсищемъ. Чтобы опредѣлить точнѣе значеніе слова *Перевѣсище*, я считаю необходимымъ описать мѣстность древняго Ольгинаго перевѣсища.

Дворъ Гордятинъ и Никифоровъ находились на сѣверо-востокъ отъ Десятинной церкви. За Десятинною церковью существовалъ другой дворъ: «и бѣ внѣ града другій дворъ, идѣже дворъ Деместиковъ (Клириковъ Десятинной Церкви) за Св. Богородицею.» Слѣдовательно, за дворами Гордятина и Никифорова кончался тогдашній Градъ и начинался лѣсъ, покрывавшій, какъ я уже и выше сказалъ, всѣ возвышенности и удолья той мѣстности, простиравшейся на сѣверовостокъ къ самому Днѣпру. Южная часть этой мѣстности находилась тамъ, гдѣ мѣстность издревле носящая наименованіе *Козье-Болото*, быть можетъ потому, что тамъ въ прошедшіе вѣка было болото и водились дикія козы. Гдѣ же нынѣ Крещатинская Площадь и улица Крещатинская, тамъ-то въ древности и было *Перевѣсище*. По нынѣшней Крещатинской улицѣ, извиваясь между возвышенностями, протекала рѣчка, бравшая начало изъ болота, находившагося на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ устроенъ третій фонтанъ Крещатинскій. Рѣчка та впадала въ озеро, бывшее на томъ мѣстѣ гдѣ нынѣ средній Крещатинскій фонтанъ (уродъ). Озера, болота и рѣчки, какъ и ребра возвышенностей, были покрыты зарослями, деревьями, кустами, тростникомъ.

Такая мѣстность, составлявшая *перевѣсище*, не могла быть заселена въ вѣкъ Ольги [49]).

И такъ, дикая мѣстность, лежавшая въ удольѣ и простиравшаяся по оврагамъ между холмами, покрытыми лѣсомъ, по которой протекали рѣчки и гдѣ существовали озера, поросшія камышемъ, называлась *перевѣсище*.

«Аще кто посѣчетъ вервю или вервь перетнетъ *въ перевѣсѣ*.... оже кто оукрадетъ въ чіемъ *перевѣсѣ* песъ, или ястребъ, или соколъ...» [50]) Изъ сихъ словъ Великаго Князя Ярослава ясно видно, что *перевѣсищемъ* называлась мѣстность, въ которой производились звѣриные и птичьи ловы: сѣтьми, псами, соколами, ястребами. Сѣти или вервь, развѣшивали или *перевѣшивали* на вереяхъ, т. е. столпахъ, и вѣроятно перевѣшивали въ ширину всего удолья, отъ одной возвышенности къ другой, дабы совершенно прекратить свободный путь звѣрямъ, обыкновенно бѣжавшимъ по дну удолья, по обычной тропѣ, чтобы всѣ они попались въ сѣти ихъ и удобно были пойманы. Служа же мѣстомъ лова звѣрей и птицъ, *перевѣсище* и должно было находиться внѣ града, въ противномъ случаѣ не было бы въ немъ звѣрей и птицъ, и не для чего было бы перевѣшивать сѣти, пускать пса, сокола и ястреба.

Однакоже, не одно только Кіевское Перевѣсище существовало во дни Ольги; были «и *по Днѣпру Перевѣсища и по Десни*» [51]).

Десна впадаетъ въ Днѣпръ нѣсколько выше Кіева; при впаденіи своемъ она образуетъ нѣсколько рукавовъ, берега коихъ покрыты деревьями, кустарниками и тростникомъ, что составляетъ приволье для птицъ. Лѣвый берегъ Днѣпра представляетъ безграничные луга, среди которыхъ весеннее разлитіе водъ Днѣпровскихъ образуетъ множество бо́льшихъ или меньшихъ озеръ. Не вдалекѣ отъ луговъ находятся лѣса и боръ, не вдалекѣ также и поля, засѣваемыя различными хлѣбами. Такова мѣстность та нынѣ, такова была она искони. Множество птицъ водится каждую весну въ сихъ мѣстахъ; водилось ихъ и еще болѣе въ древніе Великокняжескіе вѣка, когда не употребляли огнестрѣльнаго оружія, такъ сильно тревожащаго дикихъ звѣрей и птицъ. Въ тѣхъ то мѣстахъ существовали Ольгины *Перевѣсища*. Многія изъ нихъ имѣли положеніе свое противъ *вѣнца* Великой Княгини — Вышегорода, и простирались далѣе вверхъ по Днѣпру и Деснѣ до Села *Ольжичъ* на

Десне [52]). По Днѣпру же доходили къ Дымеру и далѣе. «Идѣ же Ольга по Деревской земли съ сыномъ своимъ и со дружиною, уставляющи уставы и уроки *и суть становища ея и ловища.... и ловища ея по всей земли*» [53]). Конечно по всей землѣ, отъ предковъ полученной и завоеванной ею.

Во дни лѣтописца указывали еще *перевѣсища и ловища*, принадлежавшія В. К. Ольгѣ, то есть тѣ мѣста, гдѣ Великая Княгиня останавливалась (Становища) и производила ловы [54]).

Въ княженіе Владиміра Мономаха и его преемниковъ, Великокняжескія ловища были также въ разныхъ мѣстахъ Великокняженія Кіевскаго и на далекое отъ него разстояніе. Мы знаемъ, что Игорь дѣялъ ловы близъ Пскова, Великій Князь Всеволодъ *на заяцы* въ Вышегородѣ, Мономахъ самъ написалъ, что дѣялъ ловы на дикихъ коней въ Черниговѣ и Подольской губерніи, по рѣкѣ Рови; Святославъ Всеволодовичъ въ окрестностяхъ Чернигова и вдоль лѣваго берега Днѣпра, Давидъ Ростиславичъ въ своемъ удѣлѣ, по правую сторону Днѣпра, у Вышегорода и близъ Кіева. Нѣтъ свѣдѣній, въ какихъ преимущественно мѣстахъ производили ловы Великіе Князья: Владиміръ I, Ярославъ и другіе, но безъ сомнѣнія слѣдуетъ полагать, что всѣ Великіе Князья Кіевскіе дѣяли ловы преимущественно въ окрестностяхъ Кіева, какъ въ мѣстахъ постоянно изобиловавшихъ всякаго рода звѣрями и птицами.

Для лововъ въ окрестностяхъ Кіева были построены особые загородные увеселительные дворы: Великимъ Княземъ Владиміромъ на Берестовѣ и на Лыбеди, село Предславино. Великій Князь Всеволодъ построилъ въ 1096 году дворъ *Красный*, разоренный Половецкимъ Княземъ Бонякомъ.

Берестовое находилось среди дремучаго берестоваго лѣса, на придніпровскихъ возвышенностяхъ, съ сѣверозападной стороны Печерской Лавры, гдѣ нынѣ церковь Св. Спаса. Близъ этой церкви не въ дальнемъ разстояніи существовалъ и любимый Великимъ Княземъ Владиміромъ его загородный дворъ. Всеволодовъ Красный дворъ находился за Берестовымъ и Лаврою, по направленію береговыхъ возвышенностей и не въ дальнемъ разстояніи отъ Выдубецкаго монастыря, также на сѣверозападной его сторонѣ, на холмѣ висящемъ надъ Днѣпромъ.

Противъ Краснаго двора существовалъ черезъ Днѣпръ перевозъ. Во дворъ Красный съѣзжались Князья, вознамѣрившись отправиться дѣять ловы, или для общаго совѣта по какимъ либо дѣламъ своихъ удѣловъ.

На западъ отъ Краснаго двора находилось во время Всеволода небольшое поселеніе и значительное пространство лѣса и открытой мѣстности, изрытой оврагами, именовавшееся *звѣринцемъ* [55]).

Такое наименованіе той мѣстности дано по тому, что тамъ Великіе Князья дѣяли ловы на звѣрей, во множествѣ водившихся по тамошнимъ оврагамъ и въ густотѣ лѣса. За звѣринцемъ и Краснымъ, на югъ, находилось урочище *Соколій Рогъ*, принадлежавшій Великимъ Князьямъ. Въ послѣдствіи мѣсто это перешло, подобно многимъ другимъ Великокняжескимъ ловищамъ и перевѣсищамъ, во владѣніе церковное, и именно во владѣніе Васильевской, а нынѣ Трехсвятительской церкви. Слова мои подтверждаетъ, какъ мы увидимъ ниже, то, что Кіевскій Пустынно-Николаевскій монастырь обладалъ многими мѣстами, гдѣ были *Бобровыя заремя и гоны*— всѣ тѣ мѣста прежде принадлежали Великимъ Князьямъ Кіевскимъ; то же самое можно сказать о такихъ же угодіяхъ Софійскаго монастыря, Златоверхо-Михайловскаго, Выдубецкаго, Межигорскаго и даже многихъ приходскихъ церквей, какъ-то: Подольской, Успенской, Ильинской и т. д.— Сигизмундъ, король Польскій, грамотою, данною жителямъ Кіевской области, 8 Декабря 1507 года [56]), постановилъ... «А бобровъ по церковнымъ селамъ и по Княжескимъ и по Панскимъ и по Боярскимъ не гонити: гонити нашимъ бобровникомъ по тымъ полосамъ, куда будутъ бобровницы, гонивали В. К. Витовтовы, и нашимъ бобровникомъ по тымъ же полосамъ гонити.»

Въ позднѣйшее время, мѣстность *Соколій Рогъ* отчуждена была во владѣніе частныхъ лицъ. Въ 1640 году, *Соколій Рогъ* [57]) перешелъ по граматѣ Польскаго Короля Владислава IV къ Кіевскому Богоявленскому братству.

Изъ описанія границъ Рога-Сокольяго видно, что это было довольно обширное пространство. Мѣстности, обозначающія его древнія границы, отчасти и нынѣ носятъ свои названія; по симъ-то названіямъ легко обозначается весь Рогъ-Соколій, представляющій пространство, изрытое оврагами и самою малою только частію покрытое деревьями; по двумъ же сторонамъ Рога и нынѣ видны остатки бывшаго бора. Такая мѣстность благопріятствовала Великимъ Князьямъ производить на ней ловы съ соколами. Рогомъ же оно названо, какъ можно предполагать, потому, что крайняя его оконечность, простиравшаяся по горному возвышенію, оканчивалась узкою вершиною холма, выдавшагося отъ прочей мѣстности на подобіе рога. Быть можетъ, что близъ Сокольяго Рога, въ вѣкъ В. К. Всеволода, было и поселеніе, въ коемъ содержали соколовъ, принадлежавшихъ Великимъ Князьямъ.

Обратимся еще къ другимъ мѣстностямъ, получившимъ названіе отъ соколовъ: «А мисце тое з краю одъ сокольчатого, аде здержовано княжецки соколы» [58]). *Соколье*, или Сокольники, изъ церковнаго владѣнія перешло во владѣніе частныхъ лицъ, и въ 1621 году было продано инокинею Параскевіею Кучинскою въ Братскій монастырь. Въ купчей очень ясно обозначена мѣстность Сокольниковъ: «А тотъ дворъ ея, съ иными мѣстами, лежитъ въ Кіевѣ, подъ горою, *въ сокольникахъ*, противъ церкви Рождества Христова» [59]).

Приведенныя мною выписки изъ древнихъ актовъ ясно показываютъ, что соколовъ, принадлежавшихъ Великимъ Князьямъ Кіевскимъ, содержали въ Кіевѣ, подъ горою, противъ церкви Рождества Христова; церковь же эта находится противъ древняго *Зборичева*, на верху котораго было жилище Кія, а потомъ Градъ Великаго Князя Владиміра. *Соколье* находилось подъ горою и раздѣлялось на двѣ половины Зборичевымъ, упиравшимся въ придніпровскую пристань. Зборичевъ въ древности была единственная дорога изъ Кіева къ Днѣпру. По той дорогѣ Великіе Князья съѣзжали къ пристани, отправляясь на ловы и битвы. Они останавливались въ *Соколиномъ*, въ немъ перемѣняли торжественное свое одѣяніе на путевое; первое, до возвращенія ихъ, относилось для храненія въ Рождественскую церковь. Потомъ Князья, снарядившись вполнѣ къ ловамъ, отправлялись изъ Сокольяго, переправлялись у церкви Рождества Христова чрезъ Почайну и Днѣпръ, заѣзжали иногда къ Долобескому озеру, у котораго поджидали другихъ Князей [60]) съ Черниговской стороны, если тѣ, по условію,

намѣревались отправляться на ловы вмѣстѣ съ Великими Князьями Кіевскими.

Долобеское находилось почти противъ *Соколинаго*, посреди острова, между Днѣпромъ и Черторіею. Надобно думать, что начало лововъ княжескихъ, собственно на птицъ, возникало, всякій разъ, на этомъ озерѣ.

И еще въ древнія времена Великаго Княженія Кіевскаго находилось мѣсто, именовавшееся *Соколье* или *Сокольчано*, но гдѣ оно лежало, трудно опредѣлить; можно однако же достовѣрно сказать, что оно находилось близъ большаго бора, въ которомъ были бортевыя деревья, можетъ быть и не въ далекѣ отъ удѣла Щека, въ урочищѣ *Глубочица*. Изъ записи же 1415 г. о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, взимаемыхъ съ Кіевской Софійской митрополичей отчины, видно, что «у *Сокольчи* три караймоны меду самы тын *сокольчане* возятъ на Софійскій дворъ» [61]).

Изъ лѣтописи и различныхъ актовъ (послѣдніе, т. е. акты, хотя и позднѣйшаго времени, но какъ основанные на правахъ, дарованныхъ Великими Князьями Кіевскими, могутъ служить матеріялами

Рис. 13-й.

для настоящаго сочиненія), узнаемъ мы много чрезвычайно любопытнаго, относящагося къ ловамъ, бывшимъ въ Великомъ Княженіи Кіевскомъ; такъ напримѣръ: изъ жалованныхъ и подтвердительныхъ граматъ В. К. Литовскихъ и Польскихъ Королей, данныхъ въ разное время, по преимуществу Кіевскимъ монастырямъ, видно, что бобры во множествѣ водились почти во всемъ Кіевскомъ княженіи и въ самыхъ близкихъ окрестностяхъ Кіева. А если водились бобры во множествѣ въ XIV столѣтіи, то безъ всякаго сомнѣнія, что въ вѣкъ Ярослава, Владиміра Мономаха и преемниковъ ихъ, водились бобры и еще въ большемъ количествѣ. «У Княжичахъ земля борътная, а съ ней карайманъ меду, и *бобровые гоны*, истовъ» [62]). Село Княжичи находилось за двѣ мили отъ Кіева, за Днѣпромъ [63]). Водились *бобры въ селѣ Бобровомъ*, Кіевскаго уѣзда [64]), и въ Борщовкѣ, нынѣ Борщаговка, принадлежавшей въ давно минувшее время Пустынно-Николаевскому монастырю. Въ жалованной подтвердительной граматѣ и въ граматѣ *правой*, данной сему монастырю въ 1516 году Марта 7 и 1517 г. Сентября 10, Кіевскимъ воеводою Андреемъ Немировичемъ, описанъ любопытный споръ, возникшій за бобровые гоны между Игуменомъ Пустынно-Николаевскаго монастыря *Сергіемъ* и Митрополитанскимъ Намѣстникомъ Софійскаго Собора *Ваською* Паньковичемъ. Васька, послѣ покойнаго владѣнія Пустынно-Николаевскимъ монастыремъ *власнымъ млынищемъ*, «а тое млынище на рѣчцѣ на Борщовкѣ,» сталъ вступаться въ это владѣніе. Игуменъ жаловался; Воевода Немировичъ спросилъ Ваську: «што къ тому отпоръ маешъ?» и онъ передъ нами (Воеводою) отвѣчалъ: «есть въ томъ млынищѣ *зеремя бобровое*, и къ тому млынищу пришелъ берегъ Софійскій; и они (Игуменъ Сергій) тое зеремя погонили и бобры побили, а митрополье половици (доля слѣдующая митрополиту), бобровъ мнѣ нехотять дати, што на митрополита его милость приходитъ.» — «Правда то есть!» отвѣчалъ Сергій, «што ся тамъ *зеремя явило въ самой гребли* (плотинѣ) того млынища нашего, а ни Митрополитъ его милость, а ни Намѣстникомъ Софійскомъ нѣтъ жадного вступа въ тое млынищо наше, а ни въ тое зеремя [65]).

Изъ вотчинъ, принадлежавшихъ Кіево-Пустынно-Николаевскому монастырю, водились бобры въ селѣ *Гатномъ*, Кіевскаго же уѣз-

Рис. 14-й.

да [66]). Въ настоящее время водятся бобры въ Радомыльскомъ уѣздѣ и въ другихъ мѣстахъ Кіевской губерніи. Не видно однако же изъ записей древнѣйшихъ и позднѣйшихъ въ какихъ именно мѣстахъ водились туры, медвѣди, олени, лоси [67]); впрочемъ, это потому, что во всѣхъ древнихъ запискахъ упоминались одни мѣста, гдѣ были *ловища*, но не показывалось какіе именно звѣри водились въ тѣхъ ловищахъ; напримѣръ В. К. Литовскій Александръ написалъ 15 Мая 1499 года, въ жалованной граматѣ Князю Ивану Глинскому, что онъ подтверждаетъ его права въ числѣ прочихъ имѣній и на имѣніе подлѣ Кіева, на имя *Гостомль*... съ разными угодіями и зъ бобровыми гоны и зъ ѣзы (ѣзокъ, снасть употребляемая для лова звѣрей по рѣкамъ, а въ особенности бобровъ, выдръ и другихъ водяныхъ животныхъ), зъ боры и зъ лѣсы изъ ихъ *ловы* и *ловищы* [68]). Замѣчательно въ этой граматѣ употребленіе древняго слова *ловища*. Въ другихъ древнихъ актахъ, о мѣстахъ гдѣ производились ловли, говорится такъ: «и за ловы бѣлки и куницы и за бобровые гоны плата (оброчная) коп 2.» Но было въ селѣ Добрушѣ, въ Гомельскомъ Старостствѣ, нынѣ городъ Мо-

гилевской губерніи, Бѣлицкаго уѣзда, «а въ кормѣ за бобровые гоны копя одна; а въ сельцѣ Боярское-Кузминичи загоны бобровые ничего не платятъ; въ селѣ Троснинѣ: показано *лововъ звѣриныхъ*, и кромѣ переходомъ, ни которыхъ нѣтъ» [69]).

VII.

Не смотря однако же на неопредѣлительное указаніе въ актахъ о звѣриныхъ ловахъ, бывшихъ въ предѣлахъ Великаго Княженія Кіевскаго, стародавнія названія селъ и мѣстечекъ, нынѣ существующихъ въ Кіевской и сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ, то есть на той мѣстности, на которой Великіе Князья Кіевскіе дѣяли ловы, даютъ намъ достаточное свѣдѣніе о мѣстахъ, въ коихъ въ давно минувшее время водились разные звѣри и птицы, и гдѣ производились ловы съ соколами, или гдѣ содержались соколы, принадлежавшіе Великимъ Князьямъ: въ Уманскомъ уѣздѣ, подлѣ села Рижовки и нынѣ одна изъ могилъ носитъ названіе, *Турова могила*. Въ окрестностяхъ этой могилы часто попадались кости и цѣлые скелеты этого звѣря [70]). *Туровъ* городъ Минской губерніи, отданный Великимъ Княземъ Всеволодомъ Ярополку Изяславичу въ удѣлъ, вмѣстѣ съ городомъ Владиміромъ Волынскимъ [71]). Села: Чигиринскаго уѣзда Турія и Волынской губерніи: *Турѣ*, *Турискъ*, *Туричане*, также даютъ намъ знать, что туры водились въ сихъ мѣстахъ.

Когда пріѣхалъ къ Ярославу, Князю Галицкому, Андроникъ Комнинъ [72]), то Ярославъ и Великій Князь Кіевскій, также и прочіе князья русскіе, производили ловы на *туровъ*. Андронику такъ понравились княжескіе ловы, что онъ, возвратясь въ свое отечество, завелъ у себя ловы по примѣру Княжескому. Греческій историкъ, повѣствуя объ этомъ обстоятельствѣ, пишетъ, что «Андроникъ живя въ Россіи билъ *зумпровъ*, звѣрей, которыхъ много въ Россіи и которые величиною болѣе медвѣдя и леопарда» [73]).

Въ настоящее время зубры находятся въ Россіи только въ одной *Бѣловѣжской* пущѣ (Гродненской губерніи, Пружанскаго уѣзда). Когда страна эта принадлежала еще Польскимъ Королямъ, на зубровъ охотились тенетами. Нынѣ запрещено убивать *зубровъ* безъ особаго Высочайшаго повелѣнія. Обыкновенно бьютъ ихъ пулею, въ присутствіи нѣсколькихъ свидѣтелей [74]). Нѣтъ сомнѣнія, что ловы зубровъ тенетами употреблялись и Великими Князьями Кіевскими. Медвѣдовка (Чигиринскаго уѣзда) и Волчковъ (Радомысльскаго уѣзда), также даютъ намъ знать, что въ тѣхъ мѣстахъ водились медвѣди и волки. Горностаи водились не вдалекѣ отъ Кіева и во многихъ мѣстахъ, какъ равно и куницы, выдры и бѣлки, но только одна мѣстность и доселѣ сохранила о семъ память: это именно мѣстечко *Горностай-поле* (Радомысльскаго уѣзда).

Горностай издревле былъ извѣстенъ Великимъ Князьямъ Кіевскимъ: «а Игорь Князь поскочи горностаемъ къ тростію» [75]). Однако же они не употребляли его на свои торжественныя мантіи, и вовсе не цѣнили такъ высоко, какъ цѣнился звѣрокъ этотъ въ Великомъ Княжествѣ Московскомъ. Ни лѣтопись, ни древніе акты, ни наконецъ древнѣйшія изображенія — фрески Кіево-Софійскаго Собора, не показываютъ намъ никакихъ одеждъ горностаевыхъ. Уже въ позднѣйшее время художники начали изображать Благовѣрную Царицу Ольгу, Равноапостольнаго Князя Владиміра и другихъ князей, преимущественно угодниковъ, въ горностаевыхъ мантіяхъ. Находятся такія изображенія и въ Кіево-Софійскомъ Соборѣ, но они рѣзко отличаются отъ древнихъ фресковъ.

Не въ одномъ Кіевѣ были мѣста, получившія названіе отъ сокола и другихъ птицъ; таковыя мѣста издревле существуютъ въ уѣздахъ: Уманскомъ, селеніе *Соколовка*, въ Сквирскомъ *Сокольча*, въ Липовецкомъ селеніе *Соколецъ*. Въ Чигиринскомъ уѣздѣ селенія: *Лебедиши*, *Лебединъ*. Еще въ прошедшемъ столѣтіи въ мѣстахъ сихъ водились лебеди.

Если бы въ означенныхъ мѣстахъ не водились звѣри и птицы, наименованія коихъ носятъ тѣ мѣста, то не было бы нужды и Великому Князю Ярославу писать законы о ловищахъ и перевѣсищахъ, въ коихъ упоминается о бобрѣ, лебедѣ, куропаткѣ, гусѣ, уткѣ, журавлѣ. Не упоминалъ бы Мономахъ о *турѣ*, дикихъ коняхъ, оленѣ, лосѣ, вепрѣ, медвѣдѣ, и лютомъ звѣрѣ, да и пѣвецъ слова о полку Игоря умолчалъ бы о звѣряхъ и птицахъ, если бы они не водились въ сихъ мѣстахъ и не были бы ему извѣстны. Не водились въ Великомъ Княженіи Кіевскомъ и въ сопредѣльныхъ съ нимъ удѣлахъ гіенны, шакалы, леопарды, тигры, барсы, львы и прочіе звѣри, и нѣтъ объ нихъ нигдѣ письменныхъ упоминаній и ни одно мѣсто не носитъ ихъ имени.

Не смотря на великое обиліе птицъ и звѣрей въ Великомъ Княженіи Кіевскомъ и въ сосѣдственныхъ мѣстахъ, Великіе Князья Кіевскіе и удѣльные *глумились* ловами въ разныхъ отдаленныхъ мѣстахъ. Лѣтописецъ упоминаетъ о ловищахъ, бывшихъ въ г. Тясминцѣ, на правомъ берегу р. Вороны, не далеко отъ Станиславова: «Въ ту же зиму (въ Февралѣ 1144 г.) шедшю Володимірю (князь Галичскій) въ Тясминицу на ловы» [76]). Послѣ сего лѣтописецъ упоминаетъ еще, подъ 1190 годомъ, о ловахъ, кои дѣяли Святославъ и Рюрикъ на рѣкѣ Тясминѣ, пограничной между Кіевскою и Херсонскою губерніями: «Святославъ съ Рюрикомъ утѣшивша землю Русскую и Половцы примиривши въ волю свою, и здумавша идоста на ловы, по Днѣпру въ лодіяхъ, на устіи Тясмени, и ту ловы дѣяша и обловившась множествомъ звѣрей, и тако *наглумистась* и въ любви пребыста въ веселіи по вся дни» [77]).

Изъ этого мы видимъ, что почти всякій разъ Великокняжескіе ловы продолжались нѣсколько дней, а нерѣдко и нѣсколько недѣль. На ловахъ князья пировали, веселились и никогда не ссорились, а всегда *наглумистась, въ любви пребыста въ веселіи по вся дни*.

—

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Лѣтоп. Нестр. по Кенигсбр. стр. 9. Сп. 1767. СПб.
2) Истор. Госуд. Россійск. Т. I, стр. 129. Изд. 1833. СПб.
3) Лѣтоп. Нестр. по Кенигсбр. Сп. стр. 52. Изд. 1767 СПб.
4) Истор. Госуд. Россійск. Т. I, стр. 172. Изд. 1833. СПб.: или мясо убитаго звѣря. Ист. Рус. Нар. Н. Полев. Изд. 2. Т. I, стр. 163. Моск. 1830.
5) Лѣтоп. Нестр. по Лаврен. Сп. изд. 1824. Мск.
6) Лѣтоп. Нестр. по Кенигсбр. Сп. стр. 69, изд. 1767. СПб.
7) Ист. Русск. Народ. Т. II, стр. 280, примѣч. 290. Изд. 2. Моск. 1830 г.
8) Пѣсни Русск. Пар. Часть V, стр. 1, и слѣд. изд. 1839. СПб. Добрыня братъ Малуши, дочери Любечанина Малха, отъ которой родился Владиміръ. Малуша была ключницей В. К. Ольги.
9) Былина про Илью Муромца. Прибл. къ Извѣст. ИМПЕР. Акад. Наукъ XXV, на 1853 г.
10) Истор. Госуд. Россійск. Т. I, стр. 227. Изд. 1833. СПб.

1) Пѣсни Русск. Нард. Часть V, стр. 18. Изд. 1839. СПб.
2) Софійск времен. изд. Пав. Стр. 1821 г. Мск.
3) Истор. Госуд. Россійск. Т. II, стр. 50. Изд. 1833. СПб. Полевой говоритъ (Ист. Русс. Нар. Т. II, стр. 165): Соколъ и ученый ястребъ цѣнился чрезвычайно дорого, слѣдовательно онъ составлялъ важную принадлежность знатныхъ. Отнятіе сокола за долгъ считалось безчестіемъ должника; у дворянина даже запрещалось отымать его; цѣны соколовъ были безмѣрныя; бывали даже сильныя сраженія за соколовъ; такъ бывало у Германцевъ и Франковъ. См. Галлама L'Europe au moyen âge. T. IV, стр. 141.
4) Слово *песъ* пропущено въ Правдѣ Русской. Изд. 1792. Въ типогр. Свят. Сѵнод. а также и въ Русск. достопмт. изд. 1815. Моск.
5) Въ мѣстахъ древняго Кіевскаго Княженія водятся соколы: Балабанъ, Falco la narius Pall, и Сапсанъ, Falco peregrinus Briss, а также и ястребъ тетеревятникъ, Astur palambarius L. Птицы эти пріучались, въ прежнее время, къ охотѣ. Собственно же такъ называемыхъ кречетовъ, Falco candicans Gm. не водится въ сихъ мѣстахъ. Ест. Ист. Кіевск. Учебн. Окр. выпускъ 3. Птицы хищн. 1851 г. Кіевъ. Проф. Кесслеръ.
6) Пѣсни русск. нард. Часть V, стр. 144. Изд. 1839. СПб.
7) Тамъ же, стр. 56.
8) Тамъ же, стр. 116.
9) Тамъ же, стр. 119.
0) Лѣт. Нест. по Кенигсбр. Стр. 54. Изд. 1767. СПб.
1) Пѣсни русск. нард. Часть V, стр. 118. Изд. 1839. СПб.
22) Тамъ же, стр. 14 .
23) Тамъ же, стр. 141.
24) Истор. Госуд. Россійск. Т. I. Примѣч. 472. Изд. 1833. СПб.
25) Пѣсн. русск. нард. Часть V, стр. 123.
26) Слово о полку Игоревѣ.
27) Географ. извѣст. о древ. Рос. Иностр. пис. От. Зап. Т. LXXXVI, стр. 123, отд. 11. 1853. Кн. 2.
28) Пѣсни русск. нард., стр. 153.
29) „Онъ же повелѣ взяти оружіе отрокомъ, бѣста отроковъ 12 съ нимъ, и пойде съ нимъ къ лѣсу: они же сташа исполчишась противу. Яневи же идущю съ топорцемъ. Лѣт. Нест. по Воскренск. сп. 1793 г. СПб.
30) „бьюще в боубны, и во троубы и в сопели.“ Такъ сказано въ Лѣтоп. Нест. по Воскр. сп., по списку же Никон. постановлено: „въ сурны“ т. е. въ дудки.
31) Нъ сими дьяволъ льститъ и другими идравы, всякими льсти прибавляа ны отъ Бога: трубами, гульми, русаліями“ т. е. балалайками. Лѣт. Новг. въ прод. древн. росс. Вивлок. Ч. II. Гусляры славянскіе извѣстны съ глубокой древности этого народа; уже въ VI вѣкѣ они были извѣстны Грекамъ. Въ 590 году Греки захватили во Ѳракіи трехъ Славянъ, безъ оружія, съ *китарами* или гуслями (citharas) Mem. popul. т. II, стр. 53. Въ Кіевѣ издревле существуетъ „музыцкій цехъ,“ т. е. цехъ музыкантовъ.
32) „Полть“ собственно значитъ окорокъ. По узаконенію В. К. Ярослава Вирнину съ отрокомъ отпускались на недѣлю баранъ и полоть ветчины. Ист. Госуд. Россійск. т. II, стр. 31. Примѣч. 99.
33) „и устрѣте и (Давида) вѣсть на Скавытинѣ бору“ Арцыбашевъ: Повѣст. о Россіи т. I, стр. 221. Примѣч. 1369, прибавляетъ: намъ неизвѣстномъ, если онъ не Великій боръ, селеніе Минской губерніи Рѣчинскаго повѣта. Трудно было Давиду отъ Вышегорода въ нѣсколько часовъ перенести свои ловы въ Рѣчицкій повѣтъ. Конечно Арцыбашевъ написалъ не зная мѣстности, и не зная того, что Щекавица называется въ народѣ Скавика и что тамъ былъ боръ. Кратк. Опис. Кіев. Макс. Берлинск. Стр. 138. из. 1820, СПб.
34) Повѣст. о Рос. т. I, стр. 221. Изд. 1838 г. Мск.
35) Слово о Пълку Игоревѣ.
36) Слово о Пълку Игоревѣ.
37) Дух. В. К. Владиміра Мономаха.... названная Поученіе. 1793 г. СПб. Карамзинъ замѣнилъ слово „тура“ именемъ буйвола: Ист. Гос. Россійск. т. II, стр. 162. Буйволъ не туръ, не зубръ. И въ наше время существуютъ и буйволы и зубры; небольшая между ними разница. Скорѣе и вѣрнѣе, что туръ и зубръ одно и тоже животное. Нѣкоторые же писатели говорятъ, что туръ одно, а зубръ другое животное.
38) *Люта звѣрина* или просто *звирь*, и въ настоящее время въ Кіевской, Полтавской и Черниговской губерніяхъ такъ называютъ волка.
39) Лѣт. Нест. по Списк. Воскрес. 1793 г. СПб., а также въ Соф. Списк. 1795 г. СПб. *Кличане*, т. е. загонщики, въ старину назывались *осочниками*. Уставъ о волок. Госуд. Кор. его Милост. дан. всему В. К. Литовскому 1557 г Апр. 1 Пам. т. II, ст. 18.
40) Дух. В. К. Влад. Моном.
41) Слово о полку Игоревѣ.
42) Пѣсн. русск. нар. Стр. 107.
43) Истор. Госуд. Россійск. Т. II, стр. 27, примѣч. 73.
44) Географ. Изв. о древ. Рос. Иностр. Пис. Отч. Зап. Т LXXXVI. Отд. II, стр. 103, на 1853 г. к. 2. Нѣтъ извѣстія, откуда Великіе Князья Кіевскіе получали соколовъ. Извѣстно, что птицы эти, лучшія по свойству на ловахъ, водятся на сѣверѣ. Легко можетъ быть, что и В. К. Кіевскимъ присылали въ даръ кречетовъ и соколовъ Князья Новгородскіе, а можетъ быть и В. К. Кіевскіе посылали нарочныхъ пословъ на сѣверъ, въ тѣ мѣста, гдѣ водились эти птицы, и покупали ихъ.
45) Лѣтоп. Нестор. по Кенигсбр. Сп. стр 9.
46) Крат. Опис. Кіева Макс. Берлинск. Стр. 56. СПб. 1820.
47) „И ту ловы дѣяша, и обловишась множествомъ звѣрей, и тако *наглумистась*.... Лѣтоп. Нестор. и Повѣств. о Рос. Т. I, стр. 249, примѣч. 1546.
48) Лѣт. Нестора по сп. Кенигсбр. стр. 47.
49) Берлинскій бездоказательно написалъ, что мѣстность та во дни Ольги была заселена. Крат. Опис. Кіев. Макс. Берлинск. стр. 61.
50) Русская Правда или Зак. Велик. Кнз. СПб. 1792 г.
51) Лѣтоп. Нестора по Кенигсбр. сп. Стр. 52.
52) „А по Деснѣ есть село ея у Кіева, близъ Десны, именуемо и до днесь *Ольжище*.“ Лѣт. Нестора по Воскр. сп. 1793 г. СПб.
53) Лѣтоп. Нестора по Кенигсбр. Сп. Стр. 52.
54) Кіевл. Кн. 3, стр. 51 на 1850. Мск.
55) Кратк. Опис. Кіев. Макс. Берлинскаго, стр. 52. Лѣса и овраги звѣринца въ древности простирались на югъ, до Лыбеди. Это видно и изъ Памятной Записки Кіевс. Злато-Мих.-Монаст. Игумена Михаила, составл. въ 1526 г. въ коей сказано: „На лыбеди, по выше звѣриньскаго силына, силынъ Михайловскій звѣчный.“ Акт. отн. къ Ист. Запд. Россіи Т. II, стр. 168. Изд 4818 г. СПб.
56) Тамъ же, стр. 33.
57) Въ граматѣ границы Сокольяго Рога обозначены такъ: „Почавъ рубежемъ отъ кладовища дорогою къ бору, въ рутку (рѣчку), отъ тогожъ кладовища, долиною въ ручей *верхняго клова*, ручеемъ въ широкую долину, лѣсомъ на гору къ великой межѣ, межою великою къ стародавнему путищу, въ рощу Лясковую, путищемъ въ сторожевскую дорогу, а сторожевскою дорогою по Секерки въ Лыбедь. Памятн. Т. II, стр. 310 и „Соколій рогъ: Нива за валомъ у крещатой долины.“ Тамъ же стр. 308.
58) Грамат. Пост. Кіев. Пуст. Никл. Монаст. 1506: акты древ. Дворъ Кучинской, подъ горою городовою, по улицѣ, лежащей отъ церкви Рождество; Христова къ площади торговой. Памят. Т. II, стр. 300 и 301.
59) Памятн. Т. II, стр. 292.
60) Кратк. Опис. Кіев. Мак. Бер., стр. 58.
61) Акт. относ. къ истор. Зпдн. Россіи. Т. I, стр. 38.
62) Тамъ же.
63) Тамъ же, стр. 111.
64) Грамат. В. К. Лит. Алекс. Князю Богдану Глинскому 1495 Іюля 27. Акт. относ. къ Истор. Запад. Россіи. Т. I, стр. 151.
65) Тамъ же, стр. 121.
66) Тамъ же, стр. 202.
67) Только въ Статутѣ Польск. Кор. Владисл II. Ягела Ольгердовича упоминается въ Реестрѣ или Оглавленіи Статей: „О лову заечьемъ. О лову оленьемъ, и лосиномъ.“ Акт. относ. къ Ист. Зап. Россіи. Т. I, стр. 41. Намъ извѣстно, что лоси водились въ древности во всемъ Великомъ Княженіи Кіевскомъ, и нынѣ водятся не въ дальнемъ разстояніи отъ Кіева, въ лѣсахъ мѣстечка Дымера.
68) Тамъ же, стр. 195.
69) Тамъ же, стр. 39 и слѣд.
70) Обозр. могилъ, валовъ и Городичъ Кіев. Губ. Изд. Фундуклея.
71) Ист. Госуд. Росс. Т. II, стр. 92.
72) Въ 1165 г. который взошелъ на престолъ Греческій и царствовалъ до 1167 года.
73) Истор. Госуд. Росс. Т. II, примѣч. 352 и Повѣст. о Росс. Арцыбашева. Т. I, примѣч. 1169, стр. 178.
74) Энцикл. Лекс. Т. VIII 1837. СПб.
75) Слово о Пълку Игоревѣ.
76) Кіевс. Лѣтоп. и Повѣст. о Росс. Арцыбашева. Т. I, стр. 249, примѣч. 1546.
77) Тамъ же.

Печатать позволяется, С. Петербургъ 17 Апрѣля 1857 г. Цензоръ В. Бекетовъ.

Въ тип И. Фишона.